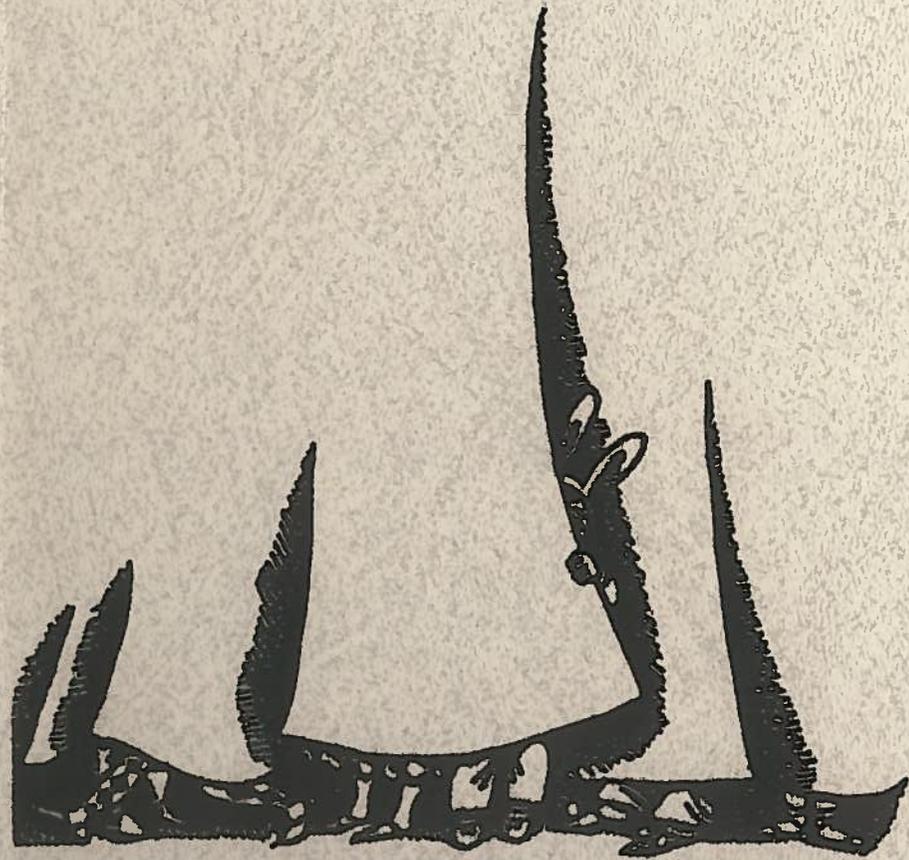

© ЛЕВ УСТИНОВ Театральные сказки

ЛЕВ УСТИНОВ

Театральные сказки

Сын. Да, да... Все дальше и дальше... Все дальше и дальше... Прощайте... Я был очень рад с вами познакомиться... Прощайте.

Принцесса берет за руку Сына Оружейника, уводит его, и сразу же раздается стук копыт и звон уносящейся кареты. Оружейник и его Жена медленно укатывают свою тележку, Ослик понуро плетется вслед за ними, а Генералу, Прохиндею и Снежинке некуда уходить. Они остаются. Ну что ж... Вечно кто-нибудь куда-нибудь уходит, а кто-нибудь где-нибудь остается... Так было и будет: и вчера, и сегодня, и завтра. Ведь завтра снова прокричит петух, снова ударит колокол, и опять начнется, как всегда, совершенно обычный и, как всегда, совершенно невероятный новый человеческий день.

Занавес

ВЕЛИКИЙ КАПИТАН

притча в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Чудак.
Монашка.
Охранник.
Старший помощник капитана.
Невеста капитана.
Штурман.
Он.
Она.
Муж.
Жена.
Счастливчик.
Жена старпома.
Циркач.
Маленькая обезьянка.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Палуба громадного океанского лайнера, по бокам которой, вдоль бортов, под яркими зонтиками разноцветные уютные шезлонги. В центре — каюта суперлюкс, связанная с палубой маленькой узкой лестницей. Это большая, роскошно обставленная комната — кабинет с большой картой океана на одной из стен. Слева и справа две двери в соседние небольшие комнаты, прямо — большая дверь в спальню. Над каютой суперлюкс — рубка корабля. Задняя стена уставлена приборами. Слева и справа два открытых капитанских мостика. На левом мостике Старпом, Штурман и Невеста Великого Капитана. Они наблюдают за посадкой. Палуба постепенно заполняется пассажирами.

Штурман (*в микрофон*). Великий Капитан извещает пассажиров корабля, что до отправления лайнера осталось девять минут пятьдесят три секунды.

Старпом (*потирает руки*). И, как всегда, все билеты проданы.

Штурман. Кроме одного.

Невеста. Его еще не взяли?

Штурман. Он забронирован с двойной оплатой вперед.

Старпом. При этих ценах да еще по двойной оплате... Хо-хо-хо! Откуда только у людей берутся такие денежки?..

Невеста. И десятки людей у кассы ждут этого билета, чтобы переплыть океан на корабле, который сквозь бури и штормы уверенно ведет могучая рука Великого Капитана и на котором за десять лет не было ни одного чрезвычайного происшествия.

Штурман (*раздраженно*). Сохраните ваш пафос для корабельной трансляции и рекламных щитов.

Невеста. Осторожнее, штурман. Вы живете на проценты с этого пафоса.

Штурман. И вы тоже.

Старпом. Хо-хо-хо, господа. Не будем ссориться. Мы все живем на проценты с воображаемого капитала. И, заметьте, вполне реальные проценты. Типичный парадокс двадцатого века.

Штурман. Вы доболтаетесь.

Невеста. Пока что четвертый рейс никто ни о чем не догадывается.

Звонок телефона.

Штурман (*берет трубку*). Да? Пусть продают. (*Вешает трубку*.) Билет разбронирован.

Невеста. Кто же будет этот счастливец, которому достанется билет?

Старпом. Какой-нибудь чемпион по самбо, дзюдо или каратэ. Хо-хо-хо, посмотрим на это зрелище.

Невеста. Началось... Вот это удар!

Старпом (*азартно*). И ты ему врежь! Правой! Правой! Победителю — билет на знаменитый лайнер!.. Ну и свалка! Не поймешь, где руки, где ноги.

Невеста. Смотрите, смотрите!

Старпом. Хо-хо-хо... Неужели билет достался этому тшедушному типу с маленьким чемоданчиком? Хорош счастливчик...

Штурман (*командует в микрофон*). Убрать трап!

Старпом. Кто у нас в суперлюксе?

Невеста. Какой-то Чудак с сачками для бабочек, с Охранником и Монашкой.

Старпом. С Монашкой? Такого у нас еще не было... А впрочем, жизнь тем и прекрасна, что в ней все время случается то, чего еще никогда не было. Меняются параллели, меридианы, меняются друзья, жены, мужья, деньги и даже пассажиры в каюте суперлюкс...

Невеста. Какой-нибудь чокнутый миллионер.

Штурман. Непохоже... Впрочем, сейчас на миллионеров не похожи только сами миллионеры... Среди багажа этого Чудака я видел теннисные ракетки. Ты ведь неплохо играешь?

Невеста. Так себе... Но я постараюсь познакомиться с ним и что-нибудь разноухать.

Штурман. Надо пустить слух среди пассажиров и команды, что Великий Капитан собирается жениться, но, к сожалению, чрезвычайно занят. Если будет свободная минута — будет свадьба. Венчание в океане. Может быть, да-

же в этом рейсе, но скорей всего в обратном. Надо дать время Невесте подготовиться к свадьбе.

Невеста (*усмехается*). Долго же мне придется готовиться к этой свадьбе.

Штурман. Дай бог вам готовиться как можно дольше.

Невеста. Ну что ж, богатая фешенебельная невеста — это не такая уж плохая роль.

Штурман (*мрачно*). Еще бы! Но всегда помните, что в день, когда похоронят вашего жениха, вы станете нищей.

Невеста (*с подчеркнутой иронией*). Вы так думаете?

Штурман. Не думаю... Нет... Но даже если вы купите на деньги Капитана королевский дворец, вы все равно не будете в нем таинственной королевой таинственного корабля. Нищий не тот, у кого нет денег, а тот, кто не может иметь то, что он хочет.

Невеста. Пойду демонстрировать суперлюкс этому Чудаку. (*Уходит*.)

Штурман (*командует*). Поднять якорь, отдать швартовы!

Грохот поднимаемого якоря. На палубе появляются Он и Она — двое молодых влюбленных. Они становятся возле борта и, взявшись за руки, печально смотрят на берег.

Голос по трансляции: «Есть якорь!.. Есть швартовы!»

Самый малый вперед.

Она. Вот мы и расстаемся с этим миром. С чудовищным миром вечно жующих людей. Они едят, едят, без конца едят, оставляя после себя груды грязных тарелок.

Он. Давай плюнем на этот суетный, ничтожный мир. Только без всякой злобы. Просто плюнем.

Они плюют за борт.

Она. Ты грустишь?

Он. Да.

Она. Почему?

Он. Мы торопимся покинуть этот мир, но, к сожалению, он не торопится покинуть нас... Неужели эти люди когда-то были не такими плохими?

Она. Конечно. Если люди испортились, значит, до того как они испортились, они были хорошими.

На палубе появляется Счастливчик.

Счастливчик (*в радостном возбуждении подходит к влюбленным*). Нет, вы представляете, какая удача! Про-

сто не верится! В самый последний момент достался билет на самый безопасный корабль в мире! Я просто Счастливец! (Доверительно.) Вы знаете, я ужасно боюсь всяких передвижений. Боюсь автомобиля, самолета, поезда, парохода — всего боюсь. Нет, я не трус. Я могу ночью один пойти на кладбище. Просто я боюсь передвижений.

В каюте люкс появляются Чудак, Невеста, Охранник и Монашка.

Невеста. Вы довольны каютой, сэр?

Чудак. Вполне.

Невеста. В случае опасности весь ваш отсек отделяется от остального корабля бронированной перегородкой. Кнопку я вам показала. Учтите, что перегородка снимается только нажатием той же кнопки. Будьте внимательны, сэр. Желаю вам приятного путешествия.

Чудак. Надеюсь, что под руководством Великого Капитана так оно и будет.

Невеста. Безусловно, сэр.

Чудак. И еще я надеюсь, что корабль прибудет в порт назначения без всяких неожиданностей.

Невеста. На нашем корабле не бывает неожиданностей. (С любезной улыбкой.) Это самый спокойный и самый скучный корабль в мире. Никакой романтики. Наш девиз: сервис и точность.

Чудак. Но этого девиза нет у океана.

Невеста. Океан не имеет значения.

Чудак. А что же имеет значение?

Невеста. Престиж Капитана.

Чудак. Вы старшая стюардесса?

Невеста. Нет, сэр. Я хозяйка этого корабля.

Чудак (удивленно). В каком смысле?

Невеста. Я Невеста Капитана. В этом рейсе мы хотели отпраздновать нашу свадьбу. Венчание в океане. Но скорее всего это произойдет не сейчас, а в обратном рейсе. Я еще не совсем готова.

Чудак (игриво). Не готовы к замужеству?

Невеста (чуть кокетничая). Нет, сэр. Просто еще не готово мое подвенечное платье... Разрешите покинуть вас... У меня еще дела. Обычно наших почетных гостей я сама знакоблю с суперлюксом и рада, что он вам понравился. (Уходит.)

Чудак. Красивая женщина.

Монашка (пожимает плечами). У вас дурной вкус.

Чудак. У меня не дурной вкус, просто у меня свой вкус... Если вы не возражаете, мы с книгой поменяемся координатами: она примет вертикальное положение, а я горизонтальное... (Уходит.)

Охранник. Ты бы хоть помолилась для виду...

Монашка. Я всегда молюсь... Молюсь, умоляю, молю, вымаливаю...

Охранник. Ну, этот бог есть у всех, да толку мало.

Монашка достает транзистор, включает его, вертит и так и сяк, но он не работает.

Монашка. Что за черт?

Охранник (усмехается). Не старайся... На этом корабле работает только трансляция. Все каюты опрысканы дезодорантом, который мгновенно окисляет батареи. Великий Капитан считает, что излишняя информация будоражит людей и вредно отражается на работоспособности команды и отдыхе пассажиров. Если ты заметила — розеток нигде нет, но в каждой каюте лежит бритва с механическим заводом... И не смотри на меня как баран на новые ворота. Все это написано в пароходном билете.

Монашка (присвистнула). Ничего себе кораблик! Вероятно, они предпочитают погибнуть без паники, чем обесчестить ложной паникой имя Великого Капитана.

Охранник. Мне вообще не нравится этот рейс.

Монашка. Чем?

Охранник. Я делал сотни охранных рейсов, но в этот раз что-то уж очень много платят.

Монашка. Вот и прекрасно!

Охранник. А ты обратила внимание, что за обратный рейс нам платят вдвое меньше.

Монашка. Тогда да здравствуют рейсы только туда! Всю жизнь только туда!

Охранник. Без обратного рейса — это дорога в могилу.

Монашка. Ну зачем же так мрачно? Впрочем, мрачность — это элегантная привилегия вечно озабоченных мужчин. Просто ты не заметил, что за обратный рейс нам платят, как обычно, а за рейс туда — вдвое больше. Отказываться от денег надо только тогда, когда тебе их никто не предлагает.

Охранник. Я всегда тревожусь, когда мне дают больше, чем полагается. Я боюсь, что за это с меня потребуют больше, чем я могу дать.

Включается трансляция. Короткие позывные.
Голос: «Внимание, внимание. Капитан нашего лайнера хочет сказать несколько слов пассажирам».

Голос Капитана: «Дорогие друзья! Мы покидаем берега гостеприимной Европы и направляемся к берегам не менее гостеприимной Америки. Мы совершаем не первый рейс через океан, и всегда все было и все всегда будет в полном порядке. Мы идем вслед за солнцем, а тот, кто идет за солнцем, — всегда идет по правильному пути. Я знаю, что мои поклонники называют меня Великим Капитаном. Но подлинно Великий Капитан не я, а тот гордый, высокий дух, который управляет моей рукой и которому я молюсь утром, днем и вечером. Это он — Великий Кормчий. Океан как жизнь — то тишина, то буря. И в океане, как и в жизни, не обойтись без кормчего».

Немного торжественной музыки, и трансляция выключается.

Невеста (*поднимается на мостик к штурману*). По кораблю бродит один тип и развлекается тем, что слушает транзистор.

Штурман. Глупость. Этого не может быть.

Невеста. Оказывается, может. Я говорила с ним.

Штурман. Ну?

Невеста. Последняя новинка. Мы не могли этого предусмотреть. Транзистор работает не от батарейки, а от тепловых импульсов, выделяемых обыкновенной рукой.

Штурман. Прикажи третьему стюарду не спускаться глаз с этого типа.

Невеста. Хорошо смотришься. Женщины всех палуб будут в полном восторге.

Штурман. Меня не интересуют восторги женщин.

Невеста. А жаль.

На палубе появляются Муж и Жена. Это пожилые, но не очень старые люди. У него в руках кипа газет.

Муж. Ну, чем ты опять недовольна? Ехать в такой каюте!

Жена. Тебе лишь бы ехать...

Счастливчик (*бросается к ним*). Нет, вы представляете, как мне повезло! Я просто Счастливчик!. Всю жизнь я всегда чего-нибудь боялся, и, может быть, поэтому мне всю жизнь не везло. Когда я был совсем молодым, одна гадалка предсказала, что во второй половине жизни мне повезет. Но я ей не поверил. Не было никаких оснований верить... И вдруг — этот билет. Может быть, действительно началась моя вторая половина жизни?

Жена. Когда мои дети были маленькими, они были такие красивые, такие талантливые, такие умные, что я

только и думала о том, как мне повезло. И еще я думала, что вторая половина моей жизни... А... мало ли, что я думала... Никто ничего никогда не может знать, потому что ничего никогда никому не известно.

На палубе появляется Циркач с маленькой обезьянкой на плече.

Муж. Ты посмотри, что пишут в газете. Какой-то сумасшедший миллионер, его зовут Смит, построил в мексиканской пустыне огромное пустое здание и провел к нему через всю пустыню подземный электрический кабель. Смит построил здание по собственному проекту, и никто не знает — зачем. Этот домик газеты называют пустопорожней пирамидой Смита.

Жена. Если у человека сумасшедшие деньги, то он и сам становится сумасшедшим.

Муж. Некоторые газеты думают, как ты. А некоторые — нет. Одни заголовки чего стоят. (*Читает.*) «Вероятно, Смит провел кабель в свою пирамиду, чтобы казнить там самого себя на электрическом стуле и тем самым искупить свои земные грехи».

Жена (*пожимает плечами*). Больше остряки. Эта газета не умней твоего Смита.

Муж. Слушай дальше... «Не великие фараоны создавали величие своего времени, нет! Это великое время создавало своих фараонов. Но время фараонов прошло, и мы должны запретить сумасшедшим зарывать деньги в землю».

Жена. И они правы.

Муж. Да? А смотри, что пишет другая газета... «Великий психиатр нашего времени заявил, что старик Смит совершенно нормален. К сожалению, мы слишком часто называем сегодня сумасшедшими тех, кто хочет поступать так, как хочет он сам, а не так, как хотят другие. На вопрос нашего корреспондента Смит заявил, что молодым всегда жарко, а старикам всегда холодно и что он хотел бы немножко согреться».

Жена. Он прав. Принеси мне теплый платок.

Муж. А теперь самое интересное.

Жена. Господи, если бы ты знал, как мне надоели твои газеты! Они делают вид, будто весь мир каждый день рождается заново, а на самом деле они только делают вид... Всегда были добрые и злые, умные и дураки, подлецы и благородные люди... Были всегда...

Счастливчик. Везучие и невезучие...

Жена. И он прав.

Муж. Нет, ты послушай! Загодовок называется «Эпидемия сумасшедших». Европейский миллионер Шмитцхоф заканчивает в Альпах строительство очень похожего сооружения. И в Америке, и в Европе обе стройки усиленно охраняются и окружены глубокой тайной.

Циркач. А потом эти тайны окажутся очередной глупостью в виде новых атомных станций... (Обезьянке.) Верно, Петти?

Обезьянка кивает головой.

Жена. И она права. За достоверные глупости газетчикам хорошо платят, а за таинственные глупости платят вдвойне.

На мостике Старпом и Невеста.

Невеста. Ты делаешь вид, что тебя не очень-то интересует пассажир люкса. Значит, он тебя действительно интересует.

Старпом. Если бы я знал, кто меня интересует...

Невеста. Ты нервничаешь, а раньше с тобой такого не бывало.

Старпом. Да... Такого еще не бывало...

Невеста. Ты знаешь, что мы связаны с тобой одной веревочкой и нам друг от друга никуда не деться... И еще ты знаешь, что моя голова не хуже моего тела... Вдвоем мы выкрутимся из любой ситуации.

Старпом. Знаешь, сколько денег было вчера на моем счете в банке?.. Десять тысяч... А сегодня миллион десять тысяч. Они положили мне на счет миллион долларов.

Невеста. Кто «они»?

Старпом. Понятия не имею.

Невеста. А за что?

Старпом. За то, что я выполню их распоряжение.

Невеста. Какое?

Старпом (пожимает плечами). Они сообщат шифровкой через радиста.

Невеста. А если тебе прикажут потопить корабль?

Старпом. Они сказали, что я могу отказаться и деньги будут сняты с моего счета.

Невеста. Наркотики?

Старпом. Вряд ли...

Невеста. Ты думаешь, это связано с пассажиром люкса?

Старпом. Не исключено... Но также не исключено, что оно связано с кем-то другим.

Невеста. Хорошо. Я прощупаю всех пассажиров первого класса... Фу!.. У меня даже мурашки по спине.

Старпом. И у меня тоже... (С нарочитой бодростью.) Хо-хо-хо! Мурашки в такую жару. Неплохо бы их отогреть.

Невеста. Когда у тебя вахта?

Старпом. Через два часа.

Невеста. Я буду в своей каюте. (Уходит.)

В люксе Чудак, Охранник и Монашка.

Чудак. Ну что ж... Я полагаю, нам пора познакомиться. Думаю, что в каюте со всеми удобствами есть и подслушивающие устройства.

Охранник. В билете написано, что администрация гарантирует сохранение тайны поступков и разговоров пассажиров своего корабля.

Чудак. Сколько же их оказалось?

Охранник. Два микрофона в кабинете и по одному в остальных комнатах.

Чудак. Мне не зря рекомендовали вас как прекрасных специалистов. (Монашке.) Единственный ваш недостаток — это то, что вы слишком красивы.

Монашка. Это комплимент, сэр?

Чудак. Нет.

Монашка. Тогда я должна вам заметить, что моя привлекательность облегчает общение: мне не приходится ни с кем заговаривать — я выступаю в роли благосклонного слушателя. И если я задаю вопрос, то на него подробно отвечают, а мужчины, как вы знаете, любят распускать хвост веером.

Чудак. О да! (Охраннику.) Итак, я вас слушаю.

Охранник. Я из крестьянской семьи, сэр. Я с детства был ловким мальчонкой и начал заниматься спортом. Был чемпионом Европы по дзюдо и каратэ. Я никогда не делаю того, за что мне не платят, но если мне за что-нибудь платят, то я стараюсь это делать хорошо... Простите, сэр, но, видно, во мне сидит крестьянская душа... У меня есть два главных правила: никогда не задавать вопросов и никогда не промахиваться.

Чудак (со смехом). И вам это удастся?

Монашка (весело). Вполне.

Чудак (Монашке). А вы?

Монашка. Я потомственная охранница. Когда-то

мать мне сказала: «Хочешь охранять приличных людей — учишься...» И я училась: я окончила Сорбонну, Кембридж, Принстон и университет в Гонконге. Когда я говорю, сколько я окончила университетов, люди думают, что я училась по меньшей мере лет шестьдесят или семьдесят. Им и в голову не приходит, что везде почти одни и те же предметы. У меня с детства любовь к экзаменам, особенно когда не все знаешь. Очень острое ощущение... В результате у меня четыре диплома с отличием и свободное владение шестью языками...

Чудак. Почему же вы... (Старается подобрать выражение поделikatнее.)

Монашка. Меня звали в разные фирмы и лаборатории, говорили, что я могу стать большим ученым, но отец сказал: «Нет!..» Отец сказал мне: «Ты будешь охранником, так же как твой отец и твоя мать, как твой дед и бабушка. Охраннику приходится голодать, сутками стоять на ногах, изнывать от жары и замерзать, как бездомная собака, ему бывает так плохо, что хуже, чем ему, бывает только объекту его охраны. Потому что, при всех обстоятельствах, охранник все-таки чуть-чуть свободнее того, кого он охраняет».

Чудак. Ваш отец любил парадоксы?

Монашка. Это была его страсть. Но он был не очень образованный человек. Он окончил всего лишь один университет.

Чудак и Монашка смеются.

Охранник. Извините, сэр, но я забыл вам сказать, что я могу не спать пять суток подряд. Больше не могу, по пять суток — я уже натренировался. Это как раз дорога через океан. Отосплюсь на том берегу.

Чудак. Будем надеяться, что таких жертв не понадобится. Ведь дверь нашей каюты прекрасно запирается.

Охранник. Если он доберется до двери — будет уже поздно.

Чудак. Кто — он? Вы хоть знаете, кто он — этот он?

Охранник. Для меня — это каждый пассажир корабля.

Чудак. А могу я разрешить вам немного поспать?

Монашка. Нет. У нас своя работа, у вас — своя.

Чудак. Мда... Ну что ж... Тогда поговорим о моей работе. Я хочу рассказать вам...

Монашка. Вы совершенно не обязаны...

Чудак. Знаю. (Твердо.) Но я хочу, чтобы вы знали, что и зачем вы охраняете... (Мягче.) Так вот... Я чудак, из тех самых чудачков, которые всю свою жизнь посвящают одной идее. Я посвятил ее идее тепла. Тепло возникает из энергии, а энергия — из тепла. Это взаимный процесс. Он бесконечен во вселенной, но не бесконечен на Земле. Главное, чего не хватает людям, — это тепла и энергии.

Монашка. А больше всего не хватает сердечного тепла.

Чудак. Сердечное тепло, мадам, тоже возникает из энергии — энергии женщины... Так вот... На новейшем ускорителе, где энергия несется с невероятной скоростью, мне удалось создать магнитную ловушку, которая улавливает кусочек энергии в мгновение, равное одной стомиллиардной доле секунды. Я как бы остановил время и вырвал из него сгусток энергии, который обладает потенциальной возможностью при высвобождении увеличиться в сто миллиардов раз... Судьба и Гений — две силы, которым человек не может сопротивляться. Он ползет, идет, бежит за ними... или сами они волокут его за собой, тащат, заставляют идти, бежать, мчаться... Но, к сожалению, Судьба и Гений — это две лошади, которые почти никогда не оказываются в одной упряжке... Мне повезло. Мне удалось их впрячь в одну колесницу... (Открывает сейф и осторожно достает из него маленький ящичек.) Люди всю жизнь мечтали о дешевом и доступном для всех источнике энергии. Сейчас мы бездумно крадем у нашей планеты уголь, нефть, газ, и планета наказывает своих ворюшек страшными землетрясениями, которые становятся все чаще и все сильнее. Мы опустошаем недра природы, но природа не терпит пустоты... В этом ящичке вся нефть, весь газ и весь уголь мира. Энергии, которая заключена здесь, хватит всему человечеству на двести лет вперед... Наша планета станет светлее и чище, а человек будет трудиться только потому, что труд, сам процесс труда, является составной частью его биологического существа... Я говорю понятно?

Монашка. Вполне... В Копенгагене я слушала лекции Бора.

Чудак. Но... Есть одно «но»... Мы загнали в бутылку чудовищного джина, и наша задача — вовремя выпустить его на волю. Иначе джинн разорвет бутылку, а вместе с ней и весь наш мир... Ящичек защищен от солнечной радиации только с трех сторон и ориентирован к солнцу по ходу корабля. Четвертая сторона открыта...

Монашка. Потому что сгусток должен дышать?
Чудак. Вот именно... И если какой-нибудь idiot укрепит этот ящик и не ориентирует его по солнцу, мгновенно начнется скоротечный распад, и в темную безлунную ночь над нашей планетой засветятся серебристые облака.

Монашка. После взрыва бомбы над Хиросимой по небу долго плавали эти серебристые облака...

Чудак. Серебристые облака смерти... Эти сияющие облака потом унесли больше человеческих жизней, чем бомба в самой Хиросиме... Мы должны дать выход энергии на седьмой день. Все рассчитано: пять дней пути до Мексики, в порту нас встретит бронированный автомобиль, час — до аэродрома и час вертолетом до станции в мексиканской пустыне, где уже построено здание для этого ящичка... (Прячет ящичек в сейф.) Вопросы есть?

Монашка. Почему мы не полетели самолетом?

Чудак. В случае аварии самолета и соприкосновения сгустка с водой...

Монашка. Понятно...

Чудак (несколько торжественно). Итак, вы охраняете вполне возможное грандиозное счастье человеческого будущего и вполне возможную не менее грандиозную катастрофу сейчас!

Монашка. Мой отец был бы в неописуемом восторге от вашей речи, сэр.

Чудак. А вы?

Монашка. Я — нет, сэр. Мне не от чего быть в восторге. Представляю, какая охота начнется за этим ящичком...

Чудак. Если о нем узнают.

Монашка. Все тайное когда-нибудь становится явным. А в наш век дистанционных прослушиваний это «когда-нибудь» сократилось до минимума.

Охранник. Похоже, что нам придется почистить наши пистолеты.

Включается трансляция.

Голос: «Уважаемые пассажиры, сейчас вы снова услышите Великого Капитана. Он хочет сказать вам несколько мудрых слов».

Голос Капитана: «Глупый идет вперед, а умный — ищет дорогу. Кто выбрал правильный путь — тому дует попутный ветер».

Немного торжественной музыки, и трансляция выключается.

Чудак и Монашка спускаются на палубу, где пассажиры любоваются океанским закатом. Охранник садится на лесенке в люкс. Влюбленные стоят у борта.

Она. Смотри, я нашла на палубе грязную тарелку.

Он. Ну и что?

Она. Можно, я ее помою?

Он. Зачем?

Она. Чтобы не разучиться. Какая-никакая, а все-таки профессия.

Он. Глупышка, на нашем острове не будет ресторанов.

Она. Интересно, что было бы со мной, если бы я не встретила тебя? Наверно, я на всю жизнь так осталась бы ресторанной посудомойкой.

Он. Не думай об этом. Это все позади, навсегда.

Она. Я тебя очень люблю. Я стою рядом с тобой и все равно мечтаю о тебе...

Он. И я. Но мы еще не умеем любить. Мы должны будем научиться этому там, на нашем пока еще необитаемом острове. Мы будем жить по законам природы, и природа научит нас подлинной любви. Птицы — петь, пальмы — ходить не сгибаясь, а серебристые лунные облака научат тебя петь колыбельные песни.

Она. У нас будет много детей. Очень много.

Он. И мы создадим с ними новое общество людей, равных перед природой и друг перед другом.

Она. Ах, это было бы так прекрасно!.. Только одного я боюсь...

Он. Чего?

Она. Если там, на острове, нам будет хорошо — туда обязательно придут люди. Я давно заметила: если кому-нибудь вдруг становится хорошо, то другие сразу же начинают его мучить...

Чудак. Сейчас вы начнете прощупывать пассажиров?

Монашка. Поверьте мне, ничего интересного. Это выглядит как простая беседа.

Чудак. Могу я послушать?

Монашка. При одном условии: вы не будете влезать в разговоры.

Чудак. Я обречен на молчание?

Монашка. Не исключена возможность, что кто-то из пассажиров хочет прощупать и вас.

Чудак. Обещаю постараться.

На палубу вылезает взлохмаченная, в плохо застегнутом халате Жена Старпома. Ошалело хлопает заспанными глазами, глядя на заходящее солнце.

Жена Старпома. Ага... Значит, скоро уже будет утро...

Счастличик. Вы ошибаетесь, бабуся, скоро уже вечер.

Жена Старпома (*обиженно*). Я не бабуся... Просто я еще не причесана.

Счастличик (*испуганно*). Извините меня.

Жена Старпома уходит.

(*Мужу и Жене.*) Ужасно!.. Обозвал молодую женщину бабушкой.

Жена. Ничего страшного. Все мы будем когда-нибудь бабушками.

Счастличик. Ведь я мог бы и промолчать... Ну почему мне так всегда не везет? Я думал, что этот счастливый билет...

Жена. Не так уж сильно вам не везло, если вы оказались на таком дорогом корабле...

Чудак и Монашка подходят и прислушиваются к их разговору.

Счастличик. Мне все время не везло, с самого начала. Мои родители ужасно хотели девочку... Знаете, такую... с бантиками... А тут как раз родился я.

Жена. Сразу с бородой и усами.

Счастличик. В школе, когда я плохо знал уроки, я получал тройку, а когда хорошо — двойку. Однажды я выиграл по лотерейному билету. Мои соседи ужасно за меня обрадовались — они жалели меня — и потребовали, чтобы я по такому случаю, хоть раз в жизни, устроил пир горой... И я устроил... А потом оказалось, что я спутал всего лишь один номер в билете... Теперь этот пароход. Тут я очутился потому, что получил наследство. Но это наследство стоит дешевле, чем билет туда и обратно.

Жена. Тогда зачем же вы едете?

Счастличик. Основное наследство досталось моим родственникам, но они не могут его получить, пока я не получу свою долю. Они пригрозили мне разрывом всех семейных уз. Я, правда, никогда в жизни их не видел, но все-таки это же родственники...

Муж. Вы могли бы выбрать и не такой дорогой пароход.

Счастличик. Видите ли, я боюсь летать, боюсь ездить, боюсь плавать — газеты все время пишут про катастрофы, а тут мне сказали, что это самый безопасный пароход в мире, но на него очень трудно достать билет. И вдруг я достал! Просто не верится... (*Чудак.*) Одна га-

далка предсказала мне в молодости, что во второй половине жизни мне повезет. Может быть, началась эта моя вторая половина? Вы верите в предсказания?

Чудак (*смеется*). Конечно. Теоретики предсказали многие великие открытия задолго до их воплощения.

Монашка (*сердито*). Где это вы начитались таких умных фраз?

Чудак (*спохватился*). В нашей городской вечерней газете. (*Еле сдерживая смех.*) Я, знаете ли, по утрам... в туалете... очень люблю полистать вчерашнюю вечернюю газету.

Жена (*Мужу*). Еще один такой же ненормальный, как ты. (*Чудак.*) Он с утра до вечера читает газеты, выискивая в них всякие новости. А я даже не могу с ним поговорить о будущем наших детей.

Муж. Чтобы планировать будущее — надо знать настоящее.

Жена. Кто это может знать настоящее? Из чего оно состоит? Из новостей? Но одни новости говорят одно, а другие — другое. Эти новости опровергают те, а те — эти. Если верить всем новостям, то выходит, что никакого настоящего нет.

Чудак (*смеется, Монашке*). Я надеюсь, что смеяться-то мне можно?

Монашка отвечает ему хмурым взглядом.

Муж. Как это — нет?

Жена. Так. Нет, и все.

Муж. А что есть?

Жена. Мечты о будущем. А все остальное — это уже прошлое. Если мы не можем мечтать о будущем — значит, у нас нет настоящего, а если да, так да. Какие мечты — такое и настоящее... А о чем ты мечтаешь? О том, чтобы прочесть еще одну новую газету. Еще одну газету из нашего прошлого.

Муж. При чем тут прошлое и будущее? Просто их интересно читать. Иногда такое вычитаешь, что просто глаза на лоб лезут. Ты только вдумайся в эту фразу. (*Читает.*) «Наши войска все время атаквали, но вынуждены были отступить под беспрерывными контратаками врага».

Жена. Ну и что? Когда одному человеку надо обмануть другого, он и не такое придумает.

Муж (*восторженно*). А ты посмотри, что пишут два разных корреспондента об одном и том же событии. (*Чи-*

тает.) «Утром посреди грязно-рыжей широкой реки образовался маленький островок с тремя пальмами, на который все мы смотрели с удивлением...» Теперь слушай. (Берет другую газету.) «Утром вокруг маленького островка тремя пальмами образовалась широченная грязно-рыжая река, на которую все мы смотрели с удивлением...»

Жена. А ты смотришь с удивлением на эти две газеты... Все удивляются... Подумать только, как удивился бы Эйнштейн, этот несчастный физик, если бы он узнал, что свою теорию относительности он изобрел специально для газетных корреспондентов.

Чудак (хохочет). Нет, теперь я все время буду про- водить только на палубе. Я хочу, чтобы эта поездка была самой веселой в моей жизни... Увы... Даже когда мне быва- ло очень весело, у меня не было времени веселиться.

Циркач (обезьянке). Если люди хотят веселиться, то мы тоже можем их немного повеселить. Верно, Пегги?

Обезьянка кивает головой.

А ну-ка, покажем нашим друзьям, Пегги, что и мы умеем кое-что такое, чему еще не все люди научились. (Достает из сумки маленький складной столик, раздвигает его, ставит на стол тарелку с бананом, кладет вилку, нож и сал- фетку.) Приятного аппетита, Пегги.

Обезьянка берет салфетку, позывает ее вокруг шен, берет в левую руку нож, а в правую вилку.

Пегги, Пегги... Ну кто же так держит вилку и нож?

Обезьянка быстро перекладывает вилку в левую руку, а нож в пра- вую.

Все аплодируют. Пегги приподнимается на стуле и отвечает покло- ном.

Жена (Мужу). А ты научился этому только тогда, ко- гда этому научились твои дети.

Пегги ножом разрезает банан пополам, накалывает кусок банана на вилку, перекладывает его в руку и рукой быстро отправляет в рот.

Все смеются и аплодируют.

Голос: «Великий Капитан желает всем спокойной ночи и приятных свиданий...»

Затемнение... Бой склянок... Гудок парохода...
В темноте слышны голоса влюбленных.

Он. Мне никто не нужен, кроме тебя.

Она. И мне никто не нужен... Но ты нужен еще кому- то. И кому-то, наверно, пужна и я. Боюсь, что они не оста- вят нас в покое.

Он. Кто?

Она. Эти кто-то...

Он. Тебе со мной хорошо?

Она. Очень. А тебе?

Он. И мне очень.

Гудок парохода... Бой склянок... Утро... На левом мостике Старпом и Невеста. В рубке — Штурман. Пассажиры на палубе наслаждаются ласковым утренним солнышком,

Невеста. Второй день от твоего миллиона ни слуху ни духу.

Старпом. Я получил сегодня шифровку привести ко- рабль в Галифакс.

Невеста. В Канаду вместо Мексики?

Старпом. Пустяки, небольшое изменение курса.

Невеста. Миллион за небольшое изменение?

Старпом. Для другого корабля это маленькое изме- нение, а для нашего — большая перемена.

Невеста. Но почему они предложили деньги тебе, а не Капитану?

Старпом. Многие могут не знать многого, но чтобы всё не знали всё — такого не бывает. Значит, кто-то что-то пронюхал.

Невеста. Боюсь, мы долго не продержимся.

Старпом. Хо-хо-хо...

Невеста. Поэтому ты и согласился на этот миллион?.. Ты умница. (Целует его в щеку.)

Старпом. Вахта через двадцать минут.

Монашка и Чудак подходят к Циркачу с обезьянкой.

Монашка. Какая милая обезьянка! Мне кажется, она у вас очень сообразительная.

Циркач. О да! Она все понимает, только не говорит.

Монашка. И не надо! Научится говорить — переста- нет понимать. Все мы говорим, говорим, и никто никого не понимает. Люди научились говорить, но так и не научились понимать ни себя, ни других. Не достигли высоты понима- ния. Человек не создал еще как следует самого себя, а уже начал производить себе подобных — вот и не ведаем, что творим. (С иронической игрой.) А сотворившие по неведе-

нию хоть и глупы, да зато не виноваты. А когда все не виноваты, то и судить-то некого... Впрочем, когда все виноваты — тоже некого судить... Вы всегда путешествуете с этой обезьянкой?

Циркач. К сожалению, это не путешествие, а деловая поездка. Часть большой научной работы.

Чудак (обрадовался). Вы ученый?

Монашка бросает на него строгий взгляд.

Циркач. Нет. Я бывший цирковой дрессировщик и участвую со своей обезьянкой в одном научном эксперименте.

Монашка. В чем же он заключается?

Циркач. Мы создали на всех континентах группу дрессированных обезьян, которые в каждом новом поколении по специальной, строго научной шкале подвергаются все более и более сильным дозам радиации. В результате в пятом поколении у обезьян образовался защитный подшерсток. С человеком это невозможно... К сожалению... Человек — это голая обезьяна.

Монашка. Голая и тупая. Научите вашу обезьянку понимать таких же, как и она, и лучшие представители человечества будут стремиться произойти в обезьяны.

Циркач (с деликатным укором). Обезьяны ничуть не хуже людей, а может быть, даже и лучше.

Монашка. Я в этом абсолютно уверена! Но зачем же вы так мучаете это очаровательное животное?

Циркач. Ей теперь не страшно даже огромная доза радиации, и когда все будет кончено, на земле останутся эти несколько обезьян. Они найдут дорогу друг к другу и всё начнут сначала.

Монашка. Как же они найдут друг друга?

Циркач. Мы учим их многим нехитрым мудростям. Разводить огонь, строить из маленьких палочек домики, еще многому, в том числе и находить друг друга.

Монашка. Даже через океан?

Циркач. Там у нее будет друг, с которым она познает счастье любви, а когда мы вернемся домой, она родит детеныша, и не он, конечно, а его потомки, когда научатся строить корабли, отправятся в дальний путь, потому что их позывает голос родной крови.

Монашка. Как нас когда-то позвал голос родной крови индейцев. Ох, сколько ее было пролито!

Циркач. Мы оставим им книги об этом чудовищном злодеянии, и они никогда его не повторят.

Монашка. Странная у вас идея... Странная... Обезьяна стала человеком, чтобы научиться делать всякие человеческие пакости, а если она овладеет ими в обезьяньем возрасте, то зачем же ей происходить? Если у нее хватит ума — она останется обезьяной.

Циркач. Я рад, что вы, как и я, верите в то, что человек произошел от обезьяны.

Монашка. Но я верю и в другое. Я верю в то, что господь бог сначала создал обезьяну, а потом уж от нее произошел человек.

Циркач. То есть как?

Монашка. Божественность — это стремление к идеалу, который является суммой прекрасного... А человек — это одна из наиболее неудачных ветвей обезьяньего развития...

Чудак. Я думаю, что с научной точки зрения...

Монашка. Сэр, я должна вам сделать укол...

Чудак (поражен). Что?

Монашка. Вы должны немедленно пройти в каюту.

Чудак и Монашка поднимаются в каюту.

Чудак (возмущенно). В чем дело?

Монашка. Если вы будете разговаривать о науке, я перестану вас выпускать на палубу.

Чудак. Вы думаете, он...

Монашка. Не уверена. Но кто-то наверняка также попытается прощупать и вас.

Чудак (смеется). Мне нравится ваша работа. Вы умеете не только говорить, но и слушать, что говорят люди, а у меня никогда не было этой возможности. Мне даже не хватало времени на то, чтобы высказать другим свои собственные мысли.

Монашка (садится в чрезвычайно светской позе, подтянув ясу и закинув ногу за ногу). Значит, вы действительно уверены в том, что вы гений?

Чудак. Конечно. Я первый, кто остановил время, чтобы заставить его двигаться еще быстрее. Ни один человек за всю историю человечества не предлагал ему столько, сколько предлагаю я. И, знаете, я совсем не требую... Мадонна, ваши колени мешают мне излагать свои мысли...

Монашка. Вас шокируют мини-юбки?

Чудак. Мини-юбки меня не шокируют, но когда так высоко поднята ряса...

Монашка закрывает колени.

Да... Так на чем мы остановились?

Монашка. На том, что вы не требуете...

Чудак. Да. На том, что я не требую ни шумных восхвалений, ни почестей.

Монашка. Вы не тщеславны?

Чудак. Напротив, я чудовищно тщеславен. Настолько, что восхищение самим собой для меня гораздо дороже и важнее, чем все восторги человечества. *(Со смехом.)* Каков тип, а?

Монашка. По-тря-са-ющий тип!

Чудак *(обиженно)*. Вы учились на факультете проники?

Монашка. Для защиты тела придуманы дома, одежда, латы, шлемы, борьба, бокс, дзюдо, каратэ, а для защиты души — только ирония. Вся наша жизнь — факультет иронии. Только одни получают диплом в юности, а другие — только в старости.

Чудак. Bravo!.. Мне бы такой ум, как у вас...

Монашка. Черта с два вы тогда изобрели бы эту штуку.

Вдруг раздаются два шелчка, и после короткой паузы — снова два сухих шелчка, как будто ударяют костяной палочкой по сухому дереву. Монашка вскакивает.

Чудак. Не волнуйтесь. Это счетчик Гейгера. Он регистрирует незначительное повышение радиоактивности.

Монашка смотрит на сейф.

Нет. Если там что-то произойдет, он застучит не так. Просто мы проходим через какой-то загрязненный участок...

В рубку, где стоит Штурман, входят Старпом и Невеста.

Старпом. Привет... Ты стоишь на вахте с таким видом, как будто у тебя в кармане по меньшей мере миллион.

Штурман. Мой миллион всегда у меня в кармане и никуда от меня не уйдет.

Старпом. Да ну?

Штурман. Я бы тебе его показал, да, боюсь, ты начнешь от зависти икать и собьешься с курса. *(Уходит.)*

Старпом *(презрительно)*. Остряк... Ну что ж... Придется прокладывать новый курс...

Невеста. А что ты напишешь в вахтенном журнале?

Старпом. Не волнуйся, я не сумасшедший. Напишу, как обычно, что за время вахты происшествий не было, корабль следовал намеченным курсом... Пусть прибытие в Галифакс будет для наших пассажиров небольшим сюрпризом.

Невеста *(задумчиво)*. Миллион за прибытие в Галифакс. Или за что-то еще?.. За что?

Старпом. Плевать. Об этом пусть думают те, кто платит. Так-с... Проверим координаты... *(Присвистнул.)* Хо-хо-хо...

Невеста. Что случилось?

Старпом. Это место мы прошли вчера.

Невеста. Глупости. Проверь еще раз.

Старпом *(проверяет)*. Все точно. Взгляни на компас.

Невеста. Вот это номер!

Старпом. Что там?

Невеста. Мы идем курсом на восток.

Старпом *(бешено)*. Он что, рехнулся, что ли?

Невеста. Стой! А вдруг у него в кармане действительно миллион? Вроде твоего. И ему дали команду повернуть корабль...

Старпом. Если это так, то через одну вахту все станет ясно как дважды два... Хо-хо-хо, хорошенькая возникает ситуация... *(Командует.)* Убавить обороты... Лево на борт... Посмотри запись в журнале.

Невеста *(берет журнал, читает)*. «За время вахты происшествий не было. Корабль следовал намеченным курсом».

Старпом. Похоже, что ты права... Еще лево на борт... Прибавить обороты... Так держать... Полный вперед...

Невеста. Подлец!

Старпом. Это ты про него?

Невеста. А то про кого же...

Старпом. Самый полный вперед... Ну что ж, мы поборемся... Каждый за свой миллион...

Влюбленные сидят в шезлонгах. Она вяжет.

Он. Что ты вяжешь?

Она *(с лукавой улыбкой)*. Еще не знаю... Что получит-

ся... Я ведь только учусь. Дама из соседней каюты показала мне, как это делать.

К ним подходят Чудак и Монашка.

Монашка. Добрый день.

Они кивают.

Вы молодожены?

Она. Да.

Монашка. Едете в свадебное путешествие?

Она. Мы едем на свой остров. Он продан очень дорогое кольцо с большим бриллиантом, и мы купили себе необитаемый остров. Мы начнем там новую жизнь. Как давным-давно. Только мы и природа. И наши дети будут жить так же, как мы.

Монашка (Ему). Вы из богатой семьи?

Она. А я была посудомойкой в ресторане.

Монашка. Значит, уехали без венчания и родительского благословения.

Она. Ну и пусть. На острове нас обвенчают серебряные лунные облака. Луна будет свидетелем нашей жизни.

Монашка. Вы убежденные хиппи?

Он (раздраженно). Нет. Просто мы навсегда покидаем это безнадежно больное общество.

Чудак (снижительно). Общество больное, но не безнадежно. Его еще можно вылечить.

Он. Чем и как? У вас есть пилюли?

Чудак. Ему не хватает тепла.

Монашка. Вы неисправимы.

Чудак. Тепла и света. Нужна принципиально другая энергия.

Он. Новые двигатели?.. Первое изобретенное колесо раздавило первого человека... И люди стали гибнуть под колесами колесниц, паровозов, автомобилей и танков.

Чудак. Но за это время население Земли увеличилось в пятьдесят раз.

Он. Ну и что? Немного здоровых превратилось во множество больных. Здоровая первобытная община превратилась в огромное больное общество, где симптомами болезни является скрытая мысль и открытая глупость, где глупости рождаются, а мысль гонима, где граждане этого общества не стесняются выставлять напоказ свою глупость и от страха стараются поглубже припрятать мысль, не понимая при этом, что скрытая от мира мысль и есть тот самый при-

вратник, который открывает двери величественно шагающей глупости... Нет, этот мир кончился... Пора начинать другой...

Чудак. Другого нам не дано. И если этот мир кончится — другого не будет.

Он. Для вас не будет. А мы создадим свой, на пока еще необитаемом острове.

Чудак. Вы все отрицаете в нашем обществе?

Он. Да, все. Я отрицаю вашу мораль, вашу культуру, вашу науку...

Чудак (весело). Даже науку?

Он. Какая это, к черту, наука? Наука — это торжество разума, а не безумия! Ваши ученые играют своим умом, как неразумные дети играют спичками. Это они довели мир до такого состояния, что сегодня уровень прогресса намного опережает уровень социального развития общества. В этом кроется потенциальная катастрофа, которая рано или поздно станет катастрофой реальной... Простите, но я больше не желаю разговаривать на эти темы. С прошлым покончено... Вы умеете вязать веревки из листьев дерева? Нет? Тогда вы мне неинтересны.

Чудак. М-да... Я, пожалуй, пойду и немного почитаю. Или просто подумаю... (Уходит.)

Счастливец, Монашка, Муж, Жена и Циркач с обезьянкой.

Муж. Вы слышали? Наш Великий Капитан собирается жениться. Устроить свадьбу в океане. Может быть, даже в этом рейсе.

Жена. Откуда ты это взял?

Муж. Мне сказал тот симпатичный морячок с большими усами. Это надо же!

Жена. Подумать только... А я еще помню нашу свадьбу...

Короткие позывные, и включается трансляция. Голос: «Десять лет назад один из пассажиров лайнера попытался оскорбить Великого Капитана. Капитан, как истинный хозяин, не мог ответить оскорблением своему гостю. Пассажир продолжал оскорблять Капитана, и тогда матрос, стоявший на вахте, в знак протеста бросил в море. Ежегодно в этот день на корабле проходит благотворительный бал в пользу вдовы и детей этого героического матроса. Билеты в салон первого класса вы можете приобрести у старшего стюарда. В салон третьего класса — вход бесплатный. Великий Капитан желает всем весело провести это время».

Немного торжественной музыки, и трансляция отключается.

Счастливец. Я пойду вниз. У меня нет денег.

Жена. Вы думаете, у нас есть деньги?
Счастливчик (поражен). Но вы едете в одной из самых дорогих кают!

Жена. Зачем она нам пужна, эта дорогая каюта... Мы всегда были тихими людьми и никогда ничем не выделялись. И если говорить честно, то мы и не хотели выделяться. Как все, так и мы. А дети у нас родились шумные и такие деловые, что просто кошмар. Все у них получалось. И с каждым годом они становились все умней и богаче. И чем больше они тратили — тем богаче становились. Если господь бог решит кого-нибудь сделать богатым, так он все равно настоит на свосм... Все говорят нам про наших детей, что у нас удачные дети... Для себя они удачные, это да. А для нас... Они как сумасшедшие разбежались по всем частям света. Один сын — американец, другой — европеец, а дочь — австралийка. Дочери, видите ли, нравятся смотреть на кенгуру... Вот так мы и ездим от одного к другому, а от другого к третьему.

Счастливчик (восхищенно). И ваши дети купили для вас такую каюту?

Жена. Они купили ее для себя, для своего престижа. Разве могут такие богатые дети позволить своим родителям ехать в бедной каюте?

Муж. Тебя послушать, так у нас не дети, а просто изверги.

Жена. Конечно, наши дети любят нас... Потому что дети должны любить родителей. Но больше всего они любят нас, когда мы в дороге.

Муж. А... Дети как дети... Просто мы родились не в свое время, а они как раз в свое.

Жена. Конечно... Но если ты хочешь, чтобы ты был нужен своим детям всю жизнь, — ты должен всю жизнь быть богаче своих детей.

Муж. Как может бедный человек быть богатым?

Жена. Может. Если его дети еще беднее, чем он.

Циркач. И мы пойдем вниз. Внизу больше смеются. Мы давно уже заметили, что веселее всех смеются те, кому трудновато живется. Верно, Пегги?

Обезьянка кивает головой. Монашка тихо уходит в каюту.

Муж. Я придумал, что делать. Во время обеда я скажу спич о демократии, о том, что мир и так разделен на бедных и богатых, что бедные все время хотят отнять чего-нибудь у богатых и ничего хорошего из этого не получается.

И что здесь, на корабле, под руководством Великого Капитана, все мы единый человеческий коллектив, и чтобы не было антагонизма между бедными и богатыми, мы с тобой пойдем вниз, хотя отлично понимаем, что на верхнем балу будет гораздо лучше, чем на нижнем.

Жена. А если кто-нибудь вдруг предложит нам заплатить за верхний бал и бесплатно пойти на нижний?

Муж. Я скажу им: зачем нам жертвовать что-то вдове какого-то матроса, когда мы хотим пожертвовать самими собой.

Жена. Это не довод, это смешно. Нас просто сочтут скрягами.

Муж. Что же делать?

Жена. Я знаю, что делать. Ты скажешь, что мы внесем символическую плату в один доллар и бесплатно идем вниз.

В каюте люкс продолжается разговор

Чудак. Это была удивительная женщина, и не исключена возможность, что я любил ее. Но я постарался скрыть эту любовь даже от самого себя. Любовь, как и все на свете, требует затраты энергии. А моя энергия принадлежала только... моей энергии... И, как видите, не зря... Маленький ящик в сейфе — это и есть мой ребенок. Внебрачный, но мой...

Монашка. Я тоже, вероятно, никогда не выйду замуж.

Чудак. А почему вы?

Монашка. Жена — это, в той или иной степени, все равно форма рабства. А для рабыни я слишком умна. Вы знаете, где располагается у женщины ум?

Чудак (весело). Где же?

Монашка. В отличие от большинства женщин, у меня он (показывает на свой лоб) находится вот здесь. Мужской ум может подчиниться более сильному уму, а женский — нет.

Чудак. Неужто так уж ничего и не может покорить женский ум?

Монашка. Наверно, может...

Чудак. Что же?

Монашка. Талант... Подлинный талант всю жизнь проходит через лишения и страдания. Даже если эти лишения только воображаемые — все равно он страдает вполне реально. Самое большое, на что способен глупый, — это

сочувствовать таланту, умный — способен на уважение. Талант — это тайна, которую никому не дано разгадать. А тайна интригует. Особенно женщин. Ведь женщины любопытны...

Чудак. Значит, в таком варианте вы согласились бы на рабство?

Монашка. Мне еще не попадался такой вариант.

Чудак. Наверно, в меня влюблялись только умные женщины...

Монашка. Вы не рассердитесь, если я задам вам один вопрос?

Чудак *(великодушно)*. Нет, не рассержусь.

Монашка. А вы не думали о том, что с помощью вашего открытия ваш Смит может стать господином всего мира?

Чудак. Думал. Но, во-первых, я предпочитаю одного разумного господина миллионам безумных рабов, а во-вторых, когда у всех людей будет все, на земле будет возможно только добровольное рабство, вроде того, о котором говорили вы.

Монашка. Теперь я вижу, что вы — подлинный талант.

Чудак. Как же вы это определили?

Монашка. Чистому таланту всегда мешает чрезмерный ум, как и чистому уму — талант.

Тихонько застучал счетчик Гейгера: «Тук-тук... Тук-тук...»

Чудак. Кретины! Они превратили океан в дворовую помойку... *(Показывает на сейф.)* Если застучит оттуда, то намного сильнее и чаще.

Монашка. А если все-таки застучит?

Чудак. Тогда всем крышка. И нам. И всем на земле.

Счетчик стучит снова. Оба, уже с тревогой, прислушиваются к тихим щелчкам. И вдруг раздается резкий звонок телефона.

(Хватает трубку.) Да?.. Алло... *(В трубке молчание, он кладет трубку.)*

Снова звонок, и снова на голос Чудака — молчание.

Монашка. Кажется, начинается... Если снова раздастся звонок — трубку возьму я.

Звонок телефона.

Алло.

Голос: «Мне необходимо срочно с вами встретиться». Это вы два раза молчали?

Голос: «Да».

Почему? Вы такой стеснительный?

Голос: «В каждом деле чем меньше людей, тем лучше. А, насколько я понимаю, мое дело именно в вашей компетенции».

Хорошо. Где мы встретимся?

Голос: «В нижнем баре. Там шумно, но зато много людей».

Через пять минут. *(Вешает трубку.)*

Чудак. Вам назначили свидание?

Монашка *(серьезно)*. Боюсь, что да.

Чудак. Может быть, мне вас проводить?

Монашка *(с хорошо сделанной игривостью)*. Там ждут меня, именно меня и только меня.

Чудак. Не нравится мне все это. Я пойду с вами!

Монашка *(сухо)*. Сэр, мне кажется, вы перепутали наши обязанности. Это не вы должны заботиться о моей безопасности, а я о вашей. *(Выходит из каюты.)*

Охранник встает со ступеньки узкой лесенки. Он почти все время сидит на одной из ступеней этой лесенки.

(Охраннику.) Если я не вернусь через пятнадцать минут — опустить бронированную перегородку. В холодильнике запас еды. Будете плыть, не выходя из каюты. Ты все понял?

Охранник. Да.

Монашка. Ты ведь был у нас чемпионом по стрельбе?

Охранник. Да.

Монашка. Сколько у тебя ребятешек?

Охранник. Четверо.

Монашка. Любишь делать детей?

Охранник *(смущенно пожимает плечами)*. А кто не любит...

Монашка. Будет жаль, если с нами что-нибудь случится.

Охранник. В случае чего — ты можешь на меня положиться.

Монашка. Я знаю. Мне про тебя говорили.

Охранник. А про тебя разное говорят. Но толком никто ничего не знает. Ты ведь элита.

Монашка. Глупости.

Охранник. Но мне ты нравишься.

Монашка. И ты мне тоже. *(Решительно уходит.)*

Жена Старпома *(появляется на палубе)*. О, какой прекрасный вечер.

Циркач. Это всего лишь утро, уважаемая мамаша.

Жена Старпома. Какая я вам мамаша? Я вам в дочки гожусь... Просто я еще не причесана. *(Уходит.)*

Муж *(Жене)*. Ну и текст!.. Ты только послушай... *(Читает.)* «Повышение цен на отдельные продукты отнюдь не понижает жизненный уровень населения, а, наоборот, даже повышает его».

Жена. А... Каждый выкручивается как может...

Он. В Мексике мы пересядем на маленький пароходик и через пять часов будем на нашем острове.

Она. Ты не жалеешь о том, что продал это кольцо?

Он. Я жалею о том, что оно у меня было.

Жена Старпома *(входит в рубку)*. Ты все стоншь?

Старпом. А ты все спишь?

Жена Старпома *(сладко потягивается)*. Ага... Мне снилось, что я в кого-то стреляла. В какого-то негодяя. И представь себе — попала.

Старпом. Попади в Штурмана. Только не во сне, а наяву, и я дам тебе сто тысяч на мелкие расходы.

Жена Старпома. Не говори глупости.

Старпом *(заводится)*. Двести тысяч! Возьми в мою пистолет и пристрели его. *(Уже бешено.)* Ну?

Жена Старпома. Дурацкая шутка.

Старпом. Мне сейчас не до шуток.

Жена Старпома *(равнодушно, почти без всяких эмоций)*. Отстань. Эти твои вечные психованные идеи только мешают мне спокойно спать. *(Выходит на боковой мостик.)* Господи, как это только люди могут не хотеть спать?.. Ведь это же так прекрасно! Спать, спать... И видеть сны... Красивые разноцветные сны. *(Сладко потягивается и уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Монашка возвращается, поднимается по лесенке.
На лесенке Охранник.

Охранник. Я рад, что ты вернулась.

Монашка. И я тоже.

Охранник. Все в порядке?

Монашка *(мрачно)*. Да. Почти... Мне не понравился этот парень. Он слишком пристально разглядывал меня.

Охранник. Ты красивая женщина.

Монашка. Я всегда делаю эту поправку на красоту. Но я умею различать взгляды мужчин. Пожалуй, этот тип с удовольствием уложил бы меня в постель, только не как женщину, а как товарища по работе.

Охранник. Если надо будет, я убегу его... Правда, шеф приказал постараться обойтись без смертельных слу-чаев.

Монашка. Попробуем обойтись. *(Входит в каюту.)*

В каюте Чудак.

Чудак. Ну, как свидание?

Монашка. Ходила на него вместо вас. *(Показывает маленький транзистор.)* Вам сувенир.

Чудак. Но ведь на этом корабле транзисторы...

Монашка. Он работает от тепла руки.

Чудак *(восхищенно)*. Хорошая штучка!

Монашка. Этот тип тоже хорошая штучка. Он сказал, что на этой волне с вами будут говорить.

Чудак. Когда?

Монашка. Через час.

Чудак. Кто?

Монашка. Я тоже спросила: кто? Он ответил: «Тот, кто знает, что вы на этом корабле».

Чудак. Вероятно, у Смита какие-нибудь новости.

Монашка. Вы так договорились с ним?

Чудак. Не помню точно, но, кажется, — да.

Монашка. Хорошо. Тогда подождем.

Чудак. А я тем временем поиграю в теннис. Пора и размяться. После тенниса я всегда хорошо думаю. *(Уходит внутрь каюты.)*

На палубе Невеста и Штурман.

Невеста. Ты хорошо выглядишь.

Штурман. Свежий морской воздух.

Невеста. Скоро твоя вахта?

Штурман. Через час.

Невеста. А что, если нам действительно устроить свадьбу в океане?

Штурман. Каким образом? Насколько я знаю, твой жених уже обвенчался там с каким-нибудь ангелочком.

Невеста. А ты? Чем ты не жених? И невеста налицо. Из нас получилась бы неплохая пара.

Штурман. Предпочитаю оставаться женихом.

Невеста. И в каждом порту подбирать себе новую шлюху.

Штурман. Меня не интересуют женщины.

По лесенке спускаются Чудак и Монашка. Он в теннисном костюме.

Смотри, этот Чудак идет на корт. Ты, кажется, собиралась с ним поиграть?

Невеста. Пожалуй, это мысль. А тебя интересует, кто он?

Штурман. Меня интересует только курс корабля.

Невеста. И не только тебя.

Штурман. Что ты хочешь этим сказать?

Невеста. Ничего. *(Уходит.)*

Штурман *(подходит к Охраннику)*. Едете в большое путешествие?

Охранник. Вы зря тратите время, сэр. Мне запрещено с кем-либо разговаривать.

Штурман. Извините. *(Уходит.)*

На палубе в шезлонгах сидят Муж и Жена. У борта стоит Влюбленный. Появляется Влюбленная. Она становится рядом с ним и достает из сумочки вязанье.

Он. Ты все вяжешь?

Она. Ага...

Он. Что-нибудь получается?

Она. Сначала было трудно. А теперь все легче и легче... *(Как бы осторожно трогает сверкающие поручни.)* Здесь все такое чистое и богатое... А все-таки тебя сюда тянет, в эту твою прошлую жизнь.

Он. Глупости.

Она. У нас в третьем классе тоже есть своя палуба.

Он. Ты говоришь глупости. Просто здесь просторнее и меньше людей. Главное, меньше людей.

Она. Верно. У богатых всегда много места, потому что

их мало. А бедняков всегда много, и поэтому им всегда тесно.

Муж. Ты знаешь, эта молодая пара — самые умные люди на земле... *(И вдруг говорит очень серьезно и несколько торжественно.)* Давай слезем с этого паршивого парохода и поедem с ними на необитаемый остров... *(Решительно.)* Раз в жизни!.. Плюнуть на все и поехать. Раз в жизни!

Жена *(увидела, что он весь дрожит от волнения, встревожилась)*. Сумасшедший! Что ты будешь там делать?

Муж. Что угодно.

Жена. Для того чтобы делать что угодно, надо иметь деньги.

Муж. Деньги нужны на ваших обитаемых островах, а там деньги не нужны.

Жена. Это ужас, это ужас, какой ты у меня глупый... Там, где не нужны деньги, нужны сильные рабочие руки. А где они у тебя — сильные рабочие руки? Даже газета уже дрожит в твоих руках.

Муж *(опустился в шезлонг)*. Да, да... Мы ни с чего не слезем и никуда не поедem... *(Из его носа вырывается обиженное сопение.)*

Жена. Ну вот, ну вот... *(Протягивает ему носовой платок.)* Только этого еще не хватало. Сейчас же перестань... Пассажиры первого класса не должны плакать. Они всегда должны смеяться... Хочешь, я тебе скажу сейчас что-то очень смешное?.. Если бы наши дети додумались до такого, они бы тоже купили для нас необитаемый остров... Смешно?

Муж *(грустно кивает головой)*. Очень смешно.

На палубу входят Чудак и Невеста с ракетками в руках. За ними — Монашка.

Невеста. Господи, кем только я не хотела стать... Даже политиком...

Чудак. Что же вас остановило? В наши времена женщины даже становятся главами государств.

Невеста. Бедные государства!

Чудак. И все же?

Невеста. Мой хилый ум не взобрался даже на первую ступеньку познания. Я так и не смогла уразуметь, что же такое политика. Одни утверждали, что это ремесло, другие — что наука.

Чудак. Наука, где главной необходимостью спора является задача не родить, а похоронить истину?

Невеста. Значит, ремесло?

Чудак. Ремесленник — это тот, кто делает нечто реальное.

Невеста. Предположим, вы ученый. Вы делаете открытие, но его реализация зависит от нескольких депутатов...

Чудак (*смеется*). Да, депутаты — это реальность, временная, но реальность.

Невеста. Но ведь они и есть реальный продукт политики. Политика создает депутатов, а депутаты — политику.

Чудак. Идеальная модель для поклонников кибернетических роботов. Самовоспроизводство. Воспроизводство себе подобных в замкнутом цикле...

Монашка (*прерывает*). Я должна вам сделать укол.

Чудак. Какой укол? Ах, опять этот укол...

Монашка (*твердо*). Я должна вам сделать укол.

Чудак (*Невесте*). Прошу прощения, мадемуазель.

Невеста уходит.

Монашка. А она прошупала вас вполне профессионально.

Чудак. Что же она узнала?

Монашка. То, что ей было нужно. Что вы не политик, а ученый.

Чудак. А зачем это ей?

Монашка. Она должна знать, кто едет в суперлюксе. Еще немного, и вы бы начали хвастаться перед ней своей гениальностью.

Чудак. Ну и что? Море, красивая женщина, теннис... Жизнь прекрасна!.. И какого только черта вы все время торчали на корте?

Монашка. Я молилась, чтобы вы выиграли, — и вы победили.

Чудак. Я бы и так выиграл. Я всегда выигрываю...

Монашка (*тихо*). Опасная привычка.

Чудак. К тому же если вы молились о моей победе, то вы плохо молились. Когда мужчина побеждает женщину, это всегда не победа, а поражение... После победы хочется быть великодушным. А женщины умеют этим пользоваться.

Монашка. Обыкновенно вам велят не сводить глаз со своего клиента. Такие, знаете ли, рожки попадают... Но на этот раз я выполняю инструкцию даже с некоторой до-

лей удовольствия. Мне приказано не допускать никаких посторонних контактов. И если вам так уж необходимо зайти в постель какую-нибудь женщину — это тоже входит в мои обязанности.

Чудак (*игриво*). Как я могу себе позволить прикоснуться к боговой невесте?

Монашка (*подыгрывая ему*). Во-первых, невеста — это еще не жена. Во-вторых, сам господь бог путем эмансипации предоставил нам право не только быть избранными, но и самим выбирать себе повелителя как в государственном, так и в личном плане. Тут уж дело вкуса. Я не тщеславна и предпочитаю выбирать сама, потому что тот, кого выбираю я, зависит от моего выбора, и стало быть, он мне гораздо послушнее, чем тот, кто выбирает меня. А в-третьих, отчего это вдруг ученые стали так благоговеть перед богом?

Чудак. От растерянности, миленькая, от растерянности. Оттого, что открытия человеческого ума выходят сегодня далеко за пределы человеческого разума. В самом начале, на заре человеческого детства, все то, что нельзя было объяснить умом, принимало имя бога... Сегодня мы снова столкнулись с запредельностью нашего могучего ума. (*Почти без всякого перехода.*) Выходите за меня замуж.

Монашка. Я? Но почему именно я?.. Ах да, я женственна, неглупа, образованна... Но я должна вам еще раз напомнить, что все это входит в мои функции охранника.

Чудак. Ну и прекрасно! Уютная женщина, хороший собеседник и надежная охрана — вот те три сегодняшних кита, на которых пока еще стоит наша земля.

Монашка. Хорошо. Я подумаю.

Чудак. Вас что-нибудь смущает?

Монашка. Да... Вы так восхищаетесь самим собой, что боюсь, для меня у вас не найдется даже капельки восхищения.

Чудак. Эту проблему мы решим очень просто: оба будем восхищаться только мной.

Монашка. Говорят, что в каждой шутке есть доля правды... Нам пора.

Чудак и Монашка поднимаются в каюту.

Включается трансляция.

Голос: «Передаем несколько изречений нашего Великого Капитана... «Ведущий должен верить в себя, а идущий следом должен верить ведущему. Не закатысь вечером солнцу, если утром не взойдет с востока».

Псмного торжественной музыки, и трансляция выключается. На палубе Старпом и Невеста.

Старпом. Ну, как теинис?

Невеста (*насмешливо*). Уж не ревнуешь ли ты меня?

Старпом. Ты продажная дрянь.

Невеста. Если продажная, то не дрянь, а если дрянь — тогда не продажная. Дрянь не продается, потому что никем не покупается. Покупают только то, что хоть что-нибудь стоит.

Старпом. Я бы с удовольствием купил твой паршивый язык, чтобы вырвать его с корнем и выбросить в океан.

Невеста. А знаешь, что сделал бы мой язык на дне океана? Он позвал бы тебя за собой... Ты ведь знаешь, что бывает с моряками, когда их начинает звать к себе глубина. Помнишь того молоденького механика, в честь которого мы устраиваем сегодняшний бал?

Старпом. Ты столкнула его!

Невеста. Врешь. Ты сам видел, как он прыгнул за борт. Я только внимательно смотрела на него.

Старпом (*с суеверным ужасом*). Ведьма, колдунья!

Невеста. Ну, я думаю, до этого дело не дойдет. Мы сговоримся. Ты ведь знаешь, что в отсутствии капитана всю ответственность несет старший помощник.

Старпом. Ну и что?

Невеста. Ничего. Просто я хотела тебе напомнить, что смерть капитана не была освидетельствована судовым врачом.

Старпом (*бешеным шепотом*). Ты спала с капитаном, спала со мной, а теперь ты хочешь... Из-за тебя я уже два месяца не прикасался к жене...

Невеста. Ну, не расстраивайся. Она компенсирует это тем, что спит со всем кораблем.

Старпом. Что ты мелешь?

Невеста. Где бы кто бы когда бы ни спал на этом корабле — она спит вместе с ним, потому что она спит всегда, а просыпается только для того, чтобы нажраться и снова заснуть.

Старпом (*поражен*). Странно... Я думал, что она тебя не волнует, что ты вообще не думаешь о ее существовании... Уж не приснился ли я тебе на капитанском мостике?

Невеста. Как говорится, сон в руку. В мою. А из моей — на капитанский мостик.

Старпом (*с иронией*). Мадам, вы придаете себе слишком большое значение.

Невеста. Не себе, а своей звезде.

Старпом. Где же она, эта ваша звезда?

Невеста. Там, далеко за облаками. Она светила мне в ночь первого поцелуя и в день первой удачи.

Старпом. Давненько это было, давненько... Увы, все стареет, мадам. Все. Даже ваша звезда. Ведь если звезды исчезают, значит, и к ним приходит старость.

Невеста. Ну... До старости мне еще далеко. И ты это знаешь... К тому же я постараюсь до нее не дожить. Предпочитаю умереть молодой. Пусть тот, кто натянет на меня саван, будет последним, кто горестно восхитится моим молодым сильным телом.

Старпом. Старость — это не годы, мадам. И не морщины у глаз. Старость начинается с понимания, что жизнь скоро кончится. И с хитренькой мысли о том, что даже маленькое добро весомее тысячи преступлений. Тем более что добро-то сделать гораздо легче, чем совершить преступление. Ведь мы готовы каждый свой шаг объявить символом доброты, а преступления свои признаем только тогда, когда нам предъявляют неопровержимые улики.

Невеста. Улики когда еще будут... А пока что ты не можешь мне предложить прокатиться в бронированном суперлюксе. Младший помощник, старший помощник, главный помощник... Нет, ты всегда будешь помощником и никогда не станешь Великим Капитаном, потому что в тебе нет тайны.

Старпом. Ты думаешь?

Невеста. Я знаю, у тебя много тайн, но нет одной, главной, в тебе самом. А величие невозможно без тайны.

Старпом. Тогда какого же черта ты спишь со мной?

Невеста. Твои руки держат штурвал, а я держу твои руки.

Старпом (*почти добродушно*). Когда-нибудь я смажу их скользким жиром.

Невеста. А я закажу себе перчатки с шипами. В самом модном магазине. Из самой тонкой и самой нежной кожи с острыми малюсенькими шипами.

Старпом (*восхищенно*). Ну и ведьма!

Невеста. Самая очаровательная ведьма нашего корабельного царства... Ты ведь знаешь: у этой ведьмы был выбор. Ты или штурман... Я выбрала тебя. И это был выбор не по расчету, а по любви.

Старпом. В последнее время мы стали чаще ссориться...

Невеста. Это шалят первички... И с каждым рейсом все хуже...

Старпом. Пора завязывать с этим делом.

Невеста. Получишь деньги — сможешь завязать.

Старпом. Все-таки хотелось бы знать, из-за кого идет эта миллионная заварушка?.. Ты прослушиваешь каюты?

Невеста. Все, кроме суперлюкса.

Старпом. Это оговорено контрактом?

Невеста. Плевала я на контракт... Его охрана отключила все наши микрофоны.

Старпом. Слишком серьезные меры для охраны любителя бабочек... А меня ты тоже прослушиваешь?

Невеста. Конечно.

Старпом. Зачем?

Невеста. Потому что ты меня интересуешь.

Старпом. А Штурмана?

Невеста. И Штурмана тоже.

Старпом. А его почему?

Невеста. Потому что меня интересуешь ты.

Старпом (*целует ее в щечку*). Ну, мне пора.

Невеста. Привет.

Старпом поднимается в рубку, там Штурман.

Штурман. Принимай вахту.

Старпом. Так-с... Проверим координаты...

Штурман. Ты мог бы это сделать и без меня.

Старпом. Ого! Ты даже не вернулся в прошлую точку.

Штурман. Ничего. Не каждую же вахту бывает встречный ветер.

Старпом. Значит, мне будет попутный и я еще дальше продвинусь вперед.

Штурман. Если бы ты знал, как я ненавижу тебя!

Старпом. А я — нет. Хотя я и знаю, что ты идешь не своим курсом.

Штурман. И ты не идешь своим. Ты все время забираешь на север.

Старпом. Конечно. Мне ведь заплатили за Галифакс. И я приведу туда корабль, потому что мне в спину будет дуть попутный ветер.

Штурман. Побереги спину.

Старпом (*пристально смотрит на него*). Нет, ты не выстрелишь мне в спину. Ты знаешь, чем это карается по своду корабельных законов. Ты не выстрелишь, потому что

тогда единственное, что ты сможешь сделать на свой миллион, — это купить себе чуть-чуть помятче подушечку для сидения на электрическом стуле... Я знаю, что не отступимся ни ты, ни я. Пусть победит тот, кто больше умеет и кому повезет с ветром.

Штурман. Дурацкая ситуация... Мы оба умеем — и ты, и я... Значит, кому повезет с погодой? А помнишь песенку? (*Напевает*). «Не надейся, моряк, на погоду, а надейся на парус тугой...» (*Уходит*.)

Старпом (*командует*). Убавить обороты... Лево на борт... Еще лево на борт...

В люксе в напряженных позах застыли Чудак и Мошашка.
В дверях Охранник.

Мошашка. Они опаздывают на пятнадцать минут.

Стучит счетчик Гейгера. Все оглянулись, но они уже несколько привыкли к этому стуку.

Постарайтесь меньше отвечать и больше задавать вопросов.

В транзисторе раздается писк.
Голос: «Алло... Вы слышите нас?»

Чудак. Да. Откуда вы говорите?

Голос: «Мы находимся в полумиле от вас на подводной лодке».

Что вас интересует?

Голос: «Минуточку... Мы сверим запись вашего голоса с нашей контрольной записью... Все в порядке, сэр... Мы предлагаем вам на более выгодных условиях, чем Смит, пересечь со своей ловушкой в нашу лодку. Станция для эксплуатации ловушки уже готова, и все сроки расконсервации энергии будут точно выдержаны».

Это категорически исключено. Я дал слово Смигу, а я, джентльмены, к сожалению, несколько старомоден: я всегда стараюсь сдержать свое слово.

Голос: «Нам не хотелось бы угрожать, но мы ведь можем торпедировать корабль».

А вы не подумали о том, почему мы не полетели самолетом, а поплыли кораблем?

Голос: «Почему?»

Потому что в случае аварии самолета и соприкосновения ловушки с водой образуется взрывная вихревая воронка диаметром в пятьсот километров.

Голос: «Вас поняли... Мы не требуем от вас немедленного окончательного ответа. У вас будет время подумать. Сейчас мы уйдем и, как только стемнеет, вернемся и будем идти параллельным курсом. Вы сможете вызвать нас нажатием кнопки на приемнике. Желаем удачи и себе, и вам».

Вы напрасно стараетесь.

Голос: «Кстати, какой срок вашей ловушки?»

Какая разница. Завтра мы будем на месте.

Голос: «Вы не будете на месте ни завтра, ни послезавтра. Ваш пародок болтается в океане, как дерьмо в проруби, практически на одном месте. Каждые четыре часа вы меняете курс на сто восемьдесят градусов. Четыре часа на запад — четыре часа на восток. И так уже вторые сутки».

Мы не верим вам!

Голос: «Прсверьте. Ваши координаты сорок градусов западной долготы и тридцать два градуса северной широты. Мы подойдем, когда будет темно».

В приемнике раздается писк. Он отключается.

Если мы хотя бы три часа шли на восток... (Испуганно.) Нет!.. Этого не может быть!

Стучит счетчик Гейгера.

Монашка. Опять.

Чудак (резко оборачивается). Нет! Это у них. У них утечка по ходу движения. Эти идиоты таскают с собой ядерные боеголовки... (Почти кричит.) Кретины с ядерными головками! (Хватает транзистор, нажимает кнопку.)

Голос: «Мы вас слушаем».

У вас утечка по ходу движения.

Голос: «Минутку. Я сейчас запрошу... У нас все в порядке, сэр. Счетчики молчат. Мы всегда внимательно следим за ними. Всего доброго, сэр».

Писк. Транзистор отключается.

Монашка (настороженно смотрит на счетчик). Они говорят, что у них все в порядке...

Чудак. А если и не в порядке? Неужели они признаются?.. (Он явно нервничает.) Даже если мы шли на восток хотя бы три часа... (Резко.) Компас! У кого есть компас?

Охранник. У меня, сэр. У меня часы с компасом.

Чудак. Ориентируйтесь, куда мы плывем.

Охранник (выскакивает на площадку перед люксом и сразу же возвращается). На запад, сэр.

Чудак (торжествующе). Ага! Я был уверен, что они блефуют!

Охранник. Даже, пожалуй, немного на северо-запад. (Показывает по карте.) Если проложить прямую, то выйдет как раз на Галифакс.

Чудак. Вместо Мексики?

Монашка (Охраннику). Когда смена вахты?

Охранник. Через два часа.

Монашка. Ну что ж... Через два часа все будет ясно.

Чудак (хватает трубку телефона, набирает номер).

Алло!

Старпом (в трубке). Я вас слушаю.

Чудак. Это говорят из люкса. Мне нужно срочно видеть Капитана.

Старпом. Это невозможно, сэр.

Чудак. Почему?

Старпом. Капитан отдыхает и строго приказал его не беспокоить.

Чудак. Я требую!

Старпом. Такая встреча не была оговорена в вашем контракте, и вы не можете предъявить претензий...

Чудак. Но эта встреча может иметь серьезное значение и для судьбы самого Капитана.

Старпом. Для судьбы Капитана, сэр, ничего не может иметь серьезного значения.

Чудак. Вы уверены в этом?

Старпом. У Великого Капитана своя судьба, и он всегда будет следовать только своей судьбе.

Чудак. А если на корабле произойдет убийство?

Старпом. Его будет расследовать один из помощников Капитана.

Чудак. А когда Капитан проснется, он сможет меня принять?

Старпом. Боюсь, что в этом рейсе — нет. У него слишком много работы.

Чудак (вешает трубку). Так... Я, кажется, начинаю сомневаться в существовании этого мистического Капитана.

Монашка. Скоро смена вахты. Кто сейчас в рубке?

Охранник. Старпом.

Монашка (Чудаку). У вас хороший слух?

Чудак. Не знаю. Я всегда прислушивался только к самому себе. К своим мыслям.

Монашка (*сдерживая раздражение*). Голоса по телефону вы можете запомнить?

Чудак. Конечно, могу.

Монашка. Тогда запомните: это был голос Старпома.

Чудак. О результатах моей работы никто не знал, кроме Смита и трех моих учеников. Смит отпадает — это не в его интересах... Значит — ученики... (*Горестно.*) Ох уж эти ученики... Даже опыт Христа ничему не научил будущих учителей... Вероятно, так называемый исторический опыт служит только для преждевременных оценок будущего и запоздалых оценок прошлого.

На палубе Муж, Жена, Циркач с обезьянкой, Счастливчик и Влюбленные. Включается трансляция. Голос: «Передаем несколько изречений нашего Великого Капитана. «...Для жителя гор нет ничего прямее извилистой горной дороги, а для жителя равнины даже прямая дорога вьется среди полей. Имевший свет в душе и в тумане найдет дорогу».

Немного торжественной музыки, и трансляция отключается.

Жена. Наш Капитан говорит не очень-то понятно.

Муж. Если бы он всегда все говорил понятно, его никто бы не стал слушать... Каждый должен иметь право говорить, и каждый должен иметь право его не слушать... Только тогда в мире будет порядок. (*Весело смеется.*)

Счастливчик. Я вижу, у вас сегодня хорошее настроение.

Муж. Мы получили радиogramму, что у нас родился американский внук, и дети приглашают нас пожить у них как можно подольше.

Жена. Конечно, зачем платить за няньку, когда можно иметь ее бесплатно... Знаешь, почему мы такие бедные, а наши дети такие богатые? Потому что мы не умеем тратить деньги, а наши дети умеют их не тратить.

Муж (*сердито*). Ты не умеешь тратить деньги, поэтому что ты не умеешь радоваться. Ты ничему не умеешь радоваться. Ну, посидим немного на одном месте. Неужели тебе еще не надоело ездить...

Жена. Надоело. Но я боюсь, что я уже разучилась сидеть на месте... Идем внесем этот несчастный доллар и пойдем спать.

Муж, Жена и Счастливчик уходят.

Она. Давай сходим на этот бал.

Он. Зачем?

Она. Мне ужасно хочется потанцевать.

Он. Среди этих ублюдков?

Она. Но это же последний раз. Знаешь, я так давно не танцевала, с самого детства.

Он. Мне противно дергаться вместе с этими чудовищами под их звериную музыку... А мы с тобой еще много раз потанцуем там, на нашем острове. Мы будем танцевать наши танцы под веселое пение наших птиц.

Она. Ты любишь меня?

Он. Да.

Она. И я тебя люблю. Очень. (*Прижимается к нему.*)

Он. Пойдем к нам.

Она. Пойдем.

Влюбленные уходят.

Циркач. У тебя сегодня печальные глазки, Пегги. Ты боишься, что нам придется расстаться?

Пегги кивает головой.

Если со мной что случится — тебе без меня будет тужовато. Особенно первое время. Ты ведь еще не человек, но уже и не обезьяна. Пока что тебе нет дороги ни туда, ни сюда. Ты прости меня за это, Пегги. Ты не сердись на меня?

Пегги качает головой.

Это может и не случиться при твоём поколении, но если случится — ты не ходи в лес. Я знаю, тебя больше тянет к лесу, но ты иди в город. Ты должна запомнить последний день людей... Этот день должен застрять в твоём мозгу как хорошая фотография.

Пегги кивает.

И передать эту память своим потомкам, чтобы они помнили этот день, как мы, наверно, помним день Страшного суда... Только нам досталась не очень яркая фотография, и поэтому мы не очень боялись... Если те люди не будут ничего бояться — они кончат так же, как мы... Ты поняла меня, Пегги?

Пегги кивает головой.

На палубе появляется Жена Старпома.

Жена Старпома. Какое прелестное утро!

Циркач. Это вечер, мадам. Сейчас уже поздний вечер.

Жена Старпома. Для меня не бывает вечеров, мсье. У меня всегда утро. Каждый раз, когда я просыпаюсь, я говорю себе: доброе утро, дорогая... (Уходит.)

Затемнение... Бой склянок... Гудок парохода... Мигают сигнальные бортовые огни.
Голоса в каютах.

Жена. Наши дети такие деловые люди, что им некогда было рожать детей. Может, и этого они где-нибудь купили и взяли на воспитание.

Муж. В телеграмме ясно сказано, что ребенок родился. Понимашь, ро-дил-ся. А если ребенок уже родился, то пусть он живет.

Он. О чем ты думаешь?

Она. Об этом острове. Мы будем там совсем одни. А вдруг нам станет страшно?

Он. Конечно. Будут дни, когда нам будет страшно, и будут дни, когда нам будет весело,— ведь мы будем там жить.

Она. Совсем одни...

Он. Не думай об этом... Тебе со мной хорошо?

Она. Очень... А тебе?

Он. И мне тоже.

Старпом стоит в рубке.
Входит Невеста.

Невеста. Ты чего такой мрачный?

Старпом. Я только что получил шифровку: у меня запросили координаты и приказали немедленно повернуть на восток. Ставку удвоили.

Невеста. Два миллиона?

Старпом (нервно). Хо-хо-хо... Такие деньги не бросают на ветер, даже если это попутный ветер.

Невеста. А, чепуха! Не устраивай папки. Если у человека двести миллионов, то два миллиона для него то же самое, что для тебя двадцать долларов.

Старпом. А может быть, ты и права... Мне платят, а за что — плевать.

Невеста (смотрит на компас). Так какого же черта ты не поворачиваешь на восток?

Старпом. Это сейчас сделает Штурман... Кроме того, я хочу подложить небольшую свинью этой скотине.

Невеста. Чего ты придумал?
Старпом. Сейчас увидишь.

В рубку входит Штурман, проверяет координаты

Штурман (злорадно). Похоже, что сегодня ты не продвинулся ни на сантиметр.

Старпом (весело). На том же месте, в тот же час... Слушай, мне надоела эта волюшка. Так мы будем болтаться посреди океана до самого второго пришествия. Если ты не возражаешь, я мог бы повернуть на восток...

Штурман. Сколько ты хочешь?

Старпом. А сколько ты дашь?

Штурман. Десять процентов моего гонорара за этот рейс.

Старпом. Смогу ли я по этим десяти процентам узнать подлинную сумму твоего гонорара?

Штурман. Свяжешься по радио с моей фирмой. Они назовут сумму гонорара.

Старпом. Рискованно.

Штурман. Хочешь рискнуть при пятнадцати процентах?

Старпом. Да. И сто долларов наличными.

Штурман (дает ему деньги). На. (Усмехается.) Итого пятнадцать и одна сотая процента. Большой комиссионант...

Старпом. Не всегда же выигрывать... Итак, я обещаю вести корабль на восток и только на восток. (Патетически.) Наконец-то мы снова все вместе и, как во времена Великого Капитана, плечом к плечу ведем корабль в одном направлении...

Штурман (брезгливо). Прошу извинить меня от ваших возвышенных рассуждений... (Командует.) Убавить обороты... Лево на борт... Еще лево на борт... Так держать...

В люксе Чудак, Монашка и Охранник.

Чудак. Ну?

Охранник. Они повернули на восток.

Чудак. Это становится похожим на катастрофу.

Монашка. Позвоните в рубку.

Чудак (набирает номер). Алло.

Штурман (поднимает трубку). Я вас слушаю.

Чудак. Это говорит пассажир люкса. Я требую немедленно встречи с Капитаном.

Штурман. К сожалению, это невозможно, сэр. Капитан отдыхает и категорически приказал его не беспокоить.

Чудак (*вешает трубку*). У Штурмана та же песенка. Монашка. Теперь почти все ясно. Остается только выяснить... Выйдите все из комнаты. (*Подходит к сейфу*.)

Чудак. Что вы хотите делать?

Монашка. Я хочу немножко отодвинуть крышку замка.

Чудак. Я сделаю это сам.

Монашка. Нет, я. (*Отодвигает крышку*.)

Сразу же резко и громко начинает стучать счетчик Гейгера. Все в ужасе.

Чудак. Значит, началось.

Охранник в ужасе пугается к двери.

Монашка (*бросается к нему*). Перестань дрожать. Про тебя говорят, что ты не боишься ни черта, ни пули.

Охранник. Я не боюсь пули, но я боюсь подохнуть как собака под забором, корчась от боли и ожогов.

Монашка. В таком случае последнюю пулю мы прибережем для себя... Но ведь кому-то предназначена и первая... (*Достает из маленького портфеля пистолет и навинчивает на него бесшумное дуло*.) Я хочу немного побеседовать с этими морячками. (*Охраннику*.) Ты пойдешь со мной.

Чудак. И я.

Монашка. Как хотите... Но это зрелище не доставит вам эстетического удовольствия... (*Прячет пистолет под одежду*.) Только не торопись и без всякого шума.

Чудак, Монашка и Охранник уходят.

Штурман. Звонил этот Чудак из люкса.

Старпом. Требовал встречи с Капитаном?

Невеста. Ничего, перебьется...

Звонок.

Штурман (*берет трубку*). Да?.. Хорошо, прочтите мне эту радиограмму по телефону... (*Слушает и бросает трубку*.) Проклятье! Ты получил свою радиограмму чуть раньше меня и воспользовался. Подлец!

Старпом. Ну зачем же так резко?.. Просто я сыграл на понижение.

Штурман. Твоя фирма приказала тебе повернуть на восток, и ты сразу понял, что мне прикажут повернуть на запад.

Старпом (*удивленно*). Если честно, то нет. Я думал — наши фирмы договорились... (*Даже несколько раз терянно*). О-хо-хо-хо... Выходит, нам снова болтаться посреди океана...

Штурман (*с ним почти истерика*). Нет! Мы не будем болтаться в океане! Я приведу эту посудину на запад, чего бы мне это ни стоило! Я буду выжимать скорость из этих паршивых котлов, из этой старой рухляди, выжимать все, до тех пор, пока они не взлетят на воздух!

Старпом. Не надо так преувеличивать. Они не взлетят на воздух.

Штурман (*злобно*). Ты уверен? Ну конечно, ты всегда и во всем уверен.

Старпом. Но это же так просто: во время твоей вахты дежурит мой механик.

Штурман. А во время твоей — мой.

Невеста. Не надо ссориться, мальчики. У меня есть идея: давайте поделим эти два миллиона...

Штурман. А катись ты знаешь куда со своими идеями...

В рубку с пистолетами в руках врываются Монашка и Охранник. За ними входит Чудак.

Монашка. К стене!.. Быстро!.. Руки за голову. Стоять не шевелиться! Кто из вас старший помощник?

Старпом. Я.

Монашка. Ты ведешь корабль в Галифакс?

Старпом. Да.

Монашка (*Штурману*). А ты?

Штурман. В Касабланку.

Монашка. Сколько тебе заплатили? (*Приставляет к его голове пистолет*.) Ну?

Штурман. Миллион.

Монашка (*Старпому*). А тебе?

Старпом. Тоже.

Чудак. И давно вы так вертитесь?

Старпом. Вторые сутки.

Чудак (*Штурману*). И бывали минуты, когда солнце светило у вас справа по борту?

Штурман. Сегодня был хороший денек, сэр. Только к вечеру небо затянуло тучками.

Чудак. Сколько часов вы шли при таком солнце?

Штурман. Целую вахту, сэр.

Чудак (тихо). Безумцы... Господи, что же это делают с людьми деньги... Проклятые деньги... (Кричит.) Крепкие! Обезумевшие скоты! За деньги вы готовы продать все, и в первую очередь самих себя... (Со стоном отчаяния.) Господи, да что же с вами делать?

Монашка. Я знаю, что делать. Кого-то из них надо убрать, чтобы корабль двигался в одном направлении.

Охранник (делает шаг вперед). Кого?

Монашка. Пусть сами выберут. (Достает монету.) Для вас это самая дорогая монета в жизни. (Старпому.) Орел или решка?

Старпом. За что? (Падает на колени.) За что? В чем я виноват? Я бедный человек. И если бедному человеку предлагают миллион, он готов тащить эту посудину хоть к чертовой матери...

Монашка. Но лучше все-таки в Галифакс?

Старпом. Я больше не веду корабль в Галифакс.

Монашка (показывает на пистолет). Эта штучка помогла тебе передумать?

Старпом. Нет. Я получил радиограмму с приказом повернуть на восток.

Чудак (Штурману). А вы?

Штурман. А мне приказали повернуть на запад.

Чудак (горько). Ну что ж... Вам дали разумные распоряжения.

Монашка (Старпому). Ну? Так что же: орел или решка?

Чудак. Не надо... Теперь уже не надо. Они и сами подохнут, эти подонки... (Стремительно уходит.)

Монашка и Охранник уходят вслед за ним.

Старпом (поднимается с колен, передразнивает Чудака). «Сами подохнут»... Ты сам скорей подохнешь! А мы пока не собираемся. Тем более что нам предстоит интересная игра. Правда, Штурман?

Штурман. Похоже, что так...

Старпом. И в этой игре у нас ба-аль-шие ставки.

В люксе Чудак, Монашка и Охранник.

Монашка (протягивает Чудаку транзистор). Вызывайте катер.

Чудак. Они не приплут его.

Монашка. Почему?

Чудак. А почему Старпому и Штурману их хозяева приказали изменить курс на сто восемьдесят градусов?.. Они знают, что скоро начнется расконсервация энергии. Но даже они не знают, что она уже началась. А эти, на лодке, видали, как мы крутились во все стороны.

Монашка. И все-таки мы попробуем. (Нажимает кнопку.)

Голос: «Мы слушаем вас».

Высылайте катер.

Голос: «От чьего имени вы вызываете катер?»

Чудак. От моего. Высылайте катер.

Голос: «Ждите ответа».

Им предложили по миллиону, и они ухватились за эти миллионы, как черти за грешные души... Обыкновенная человеческая жадность... Это она великий капитан всех кораблей и всех самолетов... (Монашке.) Можете запомнить этот афоризм. Вы ведь любите афоризмы.

Монашка. Банально... Для афоризма слишком банально.

Чудак. А банальность — это наиболее часто повторяющийся вариант. (Вздыхает.) Жадность правит миром и при этом щедрой рукой раздает людям взаимную подозрительность и взаимную ненависть.

Неожиданно раздается взрыв музыки.

(Вздвинул.) Что это?

Монашка (с усмешкой). Начался корабельный бал.

Чудак (поморщился). Уберите это.

Охранник срывает динамик.

Два дня... Всего два дня оставалось людям до счастья. И они украли его. Украли сами у себя. Са-мо-кра-ды...

Писк в транзисторе.

Голос: «Катер подойдет к левому борту через десять минут. Точность — плюс-минус одна секунда».

Монашка. Вас поняли.

Чудак. Странно... Чрезвычайно странно... Но попробуем смоделировать и этот феномен... У меня было три ученика. Двое любяли считать и думать, а третий — мыть

колбы и шупать лаборанток. Но я держал его потому, что это, во-первых, сын моего погибшего друга, а во-вторых, иногда хочется немного отдохнуть и посмеяться над придурковатым малым...

Монашка. А как же... Король науки, как всякий король, должен иметь при себе шута.

Чудак. Так вот, двое умных продали меня тем, кто купил Штурмана и Старпома, а третий — тем, кто на лодке. Именно поэтому они кое-чего не знают... (С веселой горечью.) И только шут остался верен королю... Я хочу попрощаться с Циркачом и его обезьянкой.

Монашка. Это невозможно. У нас нет времени.

Чудак (твердо). Я не покину этот корабль, пока не увижусь с обезьянкой.

Монашка (Охраннику). Приведи его.

Охранник уходит.

Чудак. Все, все зря... Жадные, безумные рабы... Я отказался от всех удовольствий жизни, от жены, детей... всю жизнь я подчинил своему уму. Ради чего?.. Ради того, чтобы сделать человечество счастливым... Глупец! Да, да! Величайший глупец — это тот, кто надеется прожить умную жизнь среди сборища дураков... И только теперь я понял, что всю свою жизнь я был чудовищно одиноким человеком... Где же этот Циркач?

Монашка. Вы действительно думаете, что его обезьянка останется...

Чудак. Если кто-то останется, то только она.

Монашка. Но вы ведь тоже не первый раз облучастесь.

Чудак. Не первый. Но это будет такая огромная доза, которой хватит на все живое на земле.

Монашка. Неужели никто не выживет?

Чудак. Разве что комары.

Монашка. Бедненькие... Им даже некого будет кушать... (Серьезно.) Какой шанс у этой обезьянки?

Чудак. Один из десяти миллионов.

Монашка. А у нас?

Чудак. Один из десяти миллиардов.

Монашка. Даже не из четырех... Мы умрем сразу?

Чудак. К сожалению, нет. Мы будем умирать мучительно... и долго...

Монашка. У меня дома припрятан солидный мешочек марихуаны.

Чудак. Вы станете миллиардершей.

Монашка. И я, кажется, что-то придумала.

Чудак (иронически). Да ну?

Монашка. Вы предложили мне выйти за вас замуж... Я согласна... Как два мирных старика мы проведем свои последние дни возле этого мешочка. Нам будет не так больно, и мы увидим красивые сны.

Чудак. Пир во время чумы?

Монашка. Да. И я хочу сидеть на этом пиру рядом с хозяином стола.

Охранник приводит сонного, перепуганного Циркача с обезьянкой.

Чудак. Она у вас действительно все понимает?

Циркач. Похоже, что так...

Чудак. Тогда я хочу сказать ей несколько слов. (Долго смотрит в глаза обезьянки и медленно говорит.) Не останавливай время... Ты поняла меня?

Обезьянка кивает головой.

И не торопи его.

Обезьянка снова кивает головой.

(Циркачу.) Спасибо. Вы свободны.

Монашка (Охраннику). Отпусти его.

Циркач торопливо уносит обезьянку. В этот момент на корабле включается трансляция, и в открытую дверь каюты врывается игривый голос: «Извините, что мы прерываем очередной танец, но мы хотим порадовать вас одним из величайших изречений нашего Капитана: «Великий ураган рвет паутину времен, а кто стоит на ветру — на том не останется пыли».

Чудак (зло). Идиот! (Захлопывает дверь.) Только пыли и останется. Столы, стулья, шкафы, дома, улицы, города, страны — все покроется пылью... Пыль... Символ забывости и покоя... Наверно, земля устала от людей, и ей пора отдохнуть. Мы слишком долго доставляли ей боль, вырывая из тела земли куски ее земного мяса. Нефть, уголь, газ, руда... Подземные ракетодомы... Десятки раз обманутая планета... (Устало садится.) Я больше не хочу быть обманутым... Не хочу под грохот моторов метаться по этой земле в поисках покоя и тишины... (Прислушивается.) Подошел катер... Вы свободны, господа. Этот катер в вашем распоряжении.

Монашка. А вы?

Чудак. Стыдно бежать от тех, для кого ты стал невольным убийцей.

Монашка. Стыдно бежать от этих ублюдков, которые от жадности величайшее благо превратили в величайшее зло? Кто вместо зерен посеял плевела, тот пожнет горе.

Чудак. Все бессмысленно. Какая разница, где это произойдет: здесь или в другом месте...

Монашка. А если завтра какой-нибудь ученый...

Чудак. Такие открытия не делаются за один день.

Монашка. А если он готовился к нему всю жизнь и сейчас на грани открытия... И если ему на помощь мобилизовать все лучшие умы человечества, в том числе и ваш? Да, и ваш? Вы заварили эту кашу — вы должны ее и расхлебывать!

Чудак. Не кричите на меня. *(Жалобно.)* Не надо на меня кричать.

Монашка. У нас остались считанные секунды. Скорей!

Охранник. Вы можете меня и не брать. Это не оговорено в контракте.

Монашка. Ты поедешь с нами.

Охранник *(вдруг взрывается)*. А может, я не нуждаюсь в вашей милости, благородная леди!

Монашка. Молчать!.. Ты поедешь с нами потому, что ты пужен. Когда они узнают, в чем дело, они постараются от нас избавиться.

Охранник. Извини меня.

Монашка почти силой уводит Чудака, и они вместе с Охранником торопливо спускаются по узкому трапу. На палубе появляются Старпом и Невеста.

Невеста. У тебя есть бесшумная приставка?

Старпом. Для пистолета?

Невеста. Да.

Старпом. Зачем тебе?

Невеста. Я подстрелю его, когда он выйдет на боковой мостик, Прямо над водой. При шуме веселого бала этого никто не заметит.

Старпом. Ты смелая женщина.

Невеста. Два миллиона!.. Это же сумасшедшие деньги. Мы сможем купить себе свой собственный маленький парходик.

Старпом. На маленьком парходе много не заработаешь.

Невеста. Ты знаешь свое дело.

Старпом. Мы не выдержим конкуренции. Большие парходы как киты — они не глядя заглатывают маленькие парходики. Надо обговорить для себя условие капитана и вложить деньги в акции большой парходной компании.

Невеста. Но не все деньги, не все. Мы купим с тобой маленький домик на берегу океана и уютно его обставим.

Старпом. Ты забываешь о моей жене.

Невеста. Пустяки. Когда она проснется, мы уже будем седыми старичками. Только нужно выделить немножечко денег на музыканта.

Старпом. Какого музыканта?

Невеста. Мы найдем музыканта, и он специально для нее двадцать четыре часа в сутки будет играть на скрипочке тихую колыбельную песенку... Посидим у меня в каюте? Что-то меня сегодня малость познабливает...

Старпом. Можно и посидеть.

Невеста и Старпом уходят. На палубе появляются Влюбленные.

Она. Смотри!.. Серебристые облака!.. Значит, мы уже где-то недалеко от нашего острова... Они приветствуют нас, наши серебристые облака.

Он. А где же луна?

Она. Не знаю; наверно, прячется где-нибудь... Правда красиво?

Он. Очень.

На палубу выбегает Счастливчик.

Счастливчик *(ищет кого-нибудь, с кем можно поделиться своей радостью. Бросается к влюбленным)*. Вы знаете, я познакомился на балу с удивительной женщиной! У нее такие добрые глаза... Такие добрые!.. Мы договорились встретиться через час... Нет, у меня, кажется, действительно начинается полоса везения.

Она. Конечно. Недаром же вас все называют Счастливчиком. Я от всей души желаю вам удачи.

Счастливчик. И вам, и вам — удачи!.. *(Убегает в сторону музыки и веселья.)*

Она *(застенчиво)*. Посмотри, что я связала.

Он *(снижительно рассматривает маленький, почти*

игрушечный свитерочек). А что? Почти как настоящий. (Смеется.) Только с размерами у тебя не очень-то получилось. Мне он, пожалуй, будет несколько маловат.

Она. Я потом свяжу другой, чуть побольше. А потом еще больше и еще, а потом совсем большой, такой же, как для тебя...

Он. А пока что я принесу свитер тебе. По-моему, сегодня немножечко прохладнее, чем обычно. (Уходит.)

Она (смотрит ему вслед с печальной нежностью.) Глупый, глупый... Какой он глупый... (Радостно.) Господи, до чего же они глупые, эти мужчины...

Торжественно и благородно звучит возвышенный вальс, сухо и равнодушно стучит счетчик Гейгера, где-то высоко в небе серебрятся призрачные облака, и сцена медленно погружается в темноту.

СТАРОМОДНЫЕ ЧУДЕСА

сказка в двух действиях

